

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

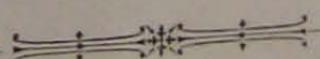
ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского.

Выпускъ IV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр. № 12.
1891.

Три года въ Якутской области.

Этнографические очерки.

ГЛАВА V.

Религіозныя вѣрованія Якутовъ. Существующія въ литературѣ возврѣнія на происхожденіе шаманства у Якутовъ. Отношенія Якутовъ къ православію. Несогласіе между дѣятельностью шамана и тѣмъ, что известно о первоначальныхъ вѣрованіяхъ Якутовъ. Посвященіе въ шаманство, заклинанія, костюмъ, мистерія. Перечень добрыхъ и злыхъ духовъ, ихъ вліянія на людей; приносимыя имъ жертвоприношенія. Языческая присяга и повѣрье о происхожденіи земли.

Обращаясь къ описанію религіозныхъ возврѣнія Якутовъ, слѣдуетъ, прежде всего, замѣтить, что по офиціальнымъ даннымъ все или почти все они православные. Такъ изъ имѣющихъ у насть подъ рукой памятныхъ книжекъ по Якутской области за 1862, 1866, 1870 и 1882 годы, изъ первыхъ двухъ слѣдуетъ, что все инородцы православные; изъ третьей, что на 231,076 человѣкъ жителей Якутской области приходится лишь три язычника, безъ объясненія, какого именно вѣроисповѣданія (огнепоклонниковъ-ли, ламаитовъ, или шаманствующихъ); въ послѣдней-же вовсе не обозначено распределеніе жителей по религіямъ.

Частныя свѣдѣнія ученыхъ изслѣдователей и лицъ вообще посвѣщавшихъ Якутскую область не вполнѣ согласуются съ приведенными офиціальными извѣстіями, увеличивая число язычниковъ, при чёмъ свѣдѣнія эти въ свою очередь не всегда одинаковы. Такъ, по нѣкоторымъ изъ нихъ, Якуты значутся шаманствующими, по другимъ-же даже вовсе отрицаются существованіе какой-либо шаманской религіи.

«Шаманство, читаемъ мы въ Сборникѣ обычнаго права, изданномъ профессоромъ Самоквасовымъ, не есть вѣра, или религія Якутовъ, но дѣйствие частное, производимое въ извѣстныхъ и опредѣленныхъ случаяхъ, а именно: 1) надъ больными всякаго рода; 2) для отвращенія скотской заразы и особенно гибели телятъ; 3) для увеселенія, ибо шаманы въ семъ случаѣ дѣлаютъ фокусы и прорицанія о будущемъ; 4) надъ бѣснующимися».

Также упорно отрицаеть существованіе шаманской религіи Н. С. Щукинъ въ изданной имъ, въ 1833 г., книгѣ «Поѣздка въ Якутскъ». «Шаманъ, говоритъ онъ, ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть поченъ

за жреца; онъ просто колдунъ, призыва́тель духовъ и приглаша́ется или во время болѣзни, когда полагаютъ, что больного мучить ду́хъ, или въ другихъ важныхъ случаяхъ, когда надо узнать о будущемъ. У насъ напрасно говорять и пишутъ, продолжаетъ далѣе Щукинъ, что такой-то народъ имѣть шаманскую религію. Теперь нѣтъ шаманской религіи; да и была-ли она когда-нибудь?».

Съ другой стороны наше законодательство признаетъ шаманскую религію. То-же дѣлаютъ гг. Шашковъ, Федоръ Соловьевъ, учитель Припузовъ и поченный сотрудникъ нашего общества, извѣстный своимъ трудомъ по геологии и этнографіи Сибири, Агапитовъ въ своихъ сочиненіяхъ по этому вопросу. Г. Агапитовъ въ образцовой статьѣ своей: «Шаманство у Бурятъ Иркутской губерніи» блестательно доказалъ существование шаманства у названныхъ Бурятъ, которыхъ гг. Самоквасовъ и Щукинъ считаютъ ламаитами. Первые три утверждаютъ тоже и по отношенію къ Якутамъ.

Гг.-же Припузовъ и Федоръ Соловьевъ говорятъ что сами Якуты объясняютъ, будто у нихъ не было вовсе никакой религіи до посѣщенія ихъ края первымъ шаманомъ, что, конечно, доказываетъ коренную связь ихъ вѣроученія съ мистеріями шамановъ. Извѣстіе это получаетъ еще большое значеніе, если сопоставить его съ сообщеніемъ Миддендорфа о томъ, что Якуты около двухъ сотъ лѣтъ назадъ поклонялись явленіямъ природы. Свѣдѣнія эти, вмѣстѣ взятыя, позволяютъ предполагать, что космическій эпосъ аборигеновъ Якутской области преобразовался въ антропоморфической подъ вліяніемъ ученія нѣкоего пришлага шамана, пришедшаго, можетъ быть изъ страны Бурятъ. Слѣдѣніе, однако, оговориться, что высказанная нами гипотеза о чужеземномъ происхожденіи якутского шаманства крайне гадательна и требуетъ еще подтвержденія своей достовѣрности со стороны ученыхъ и опытныхъ изслѣдователей, могущихъ заняться сравнительнымъ изученіемъ якутского и бурятского шаманствъ.

Боги имѣютъ кредитъ у дикарей, лишь пока приносятъ имъ материальную пользу. Исторія кишитъ примѣрами, когда проигранныя битвы были причиной отрицанія прежнихъ божествъ. Старые боги не помогли, надо слѣдовательно искать новыхъ—вотъ логика дикаря. Многимъ изъ насъ приходилось слышать, что Монголы мажутъ ротъ пищею своимъ идоламъ при удачномъ исходѣ предпринятыхъ ими дѣлъ и наказываютъ тѣхъ-же идоловъ розгами въ случаѣ неудачи.

Разъ мы усвоимъ ту точку зре́нія, что некультурный человѣкъ уважаетъ своихъ боговъ лишь настолько, на сколько они ему приносятъ пользу, то яснымъ станетъ, что при нанесеніи удара авторитету этихъ боговъ догматическая сторона вѣроученія дикарей несравненно болѣе пострадаетъ, нежели практическая.

Разгромленіе якутского государства горстью смѣлыхъ пришельцевъ и рядомъ административныхъ мѣръ, принятыхъ православными завоевателями должны

были, конечно, сильно понизить въ глазахъ Якутовъ значеніе ихъ боговъ. Они стали забываться. Дѣятельность миссіонеровъ способствовала такому повороту вещей. Боги почти совсѣмъ были забыты. «Я не могъ не замѣтить, говоритъ Миддендорфъ, что на распросы мои о свойствахъ различныхъ духовъ и название которыхъ сопровождались каждое совершенно особыми прилагательными, люди мои не были въ состояніи сообщить мнѣ ближайшія свѣдѣнія, а при настойчивости съ моей стороны объясняли, что такъ было нѣкогда. Болѣе развитое нѣкогда ученіе о божествахъ пришло въ забвеніе и предо мной являлись только обломки, развалины прежняго ученія».

Теперешнее представлениe о богахъ, говоритъ около 30 л. спустя Федоръ Соловьевъ въ статьѣ своей «Остатки язычества у Якутовъ», перемѣшаны съ понятіями христіанскими. Христіанскій монотеизмъ послужилъ основою всѣхъ представленій ихъ, Настоящая статья изображаетъ, вѣроятно, послѣдній фазисъ отживающаго шаманства.

Между тѣмъ, условія жизни и по подчиненіи Якутовъ Русскими остались почти прежнія. Та-же необеспеченность существованія, тѣ-же неудовлетворительныя санитарныя условія, какъ для людей, такъ и для животныхъ. Жрецы-же всегда и всюду соединяли въ себѣ обязанности священнослужителя, врача и предсказателя. Мы видимъ такое положеніе вещей и у древнихъ Индусовъ, и у Египтянъ, и у современныхъ намъ сѣверо-американскихъ дикарей и обитателей Полинезіи, Патагоніи; должно предполагать то-же и у Якутовъ.

За неимѣніемъ-же врачей Якуту по неволѣ приходилось и по утратѣ прежняго довѣрія къ богамъ своимъ, по старому, обращаться къ шаману за помощью при всякомъ случаѣ заболѣванія членовъ своей семьи или принадлежащей ему скотины. Отдельные случаи исцѣленія поддерживали вѣру въ чудотворную силу шамановъ и препятствовали паденію ихъ авторитета.

При полной необеспеченности средствъ къ существованію, Якута, конечно, постоянно интересуетъ вопросъ о томъ, будетъ-ли достаточенъ результатъ предстоящей охоты или рыбной ловли для прокормленія себя или семейства. Для разрѣшенія этого вопроса является съ предложеніемъ своихъ услугъ шаманъ. Какъ-же не воспользоваться ими человѣку въ силу низкой степени своего развитія, весьма склоннаго къ суевѣрію? Въ особенности-же когда грозныя и непонятныя явленія природы, въ родѣ пурги, или сѣвернаго сіянія постоянно поражаютъ дикаря и держать его въ безпрестанномъ страхѣ за свою жизнь.

Постоянное-же одиночество позволяетъ Якуту нерѣдко углубляться въ себя. Онъ вѣчно одинъ съ своими мыслями; понятно, что духовная дѣятельность его сильно напряжена, фантазія разыгрывается, появляется жажда таинственнаго, требованія мистического, что и удовлетворяется шаманами.

Такимъ образомъ, на шамана является спроѣць, какъ на врача, прорицателя,

представителя таинственныхъ знаній, а отнюдь не какъ на жреца или теолога. Самъ онъ естественно спѣшить, съ предложеніемъ, лишь только въ немъ замѣчается потребность въ средѣ народонаселенія и мало-по-малу теряетъ свой прежній характеръ священнослужителя.

Слѣдовательно шаманство и тѣ обломки язычества, о которыхъ въ состояніи еще сообщить Якуты любознательнымъ изслѣдователямъ, не представляютъ изъ себя двухъ совершенно различныхъ областей религіознаго міровоззрѣнія аборигеновъ Якутской области, а суть лишь разныя части, а именно практическая и догматическая ихъ вѣроученія, при томъ въ различныхъ стадіяхъ своего упадка—шаманство въ меньшемъ, а прочее въ большемъ.

Независимо отъ изложеннаго, шаманская врачеванія, прорицанія и прочее постоянно сталкиваясь съ жизнью, съ ея видоизмѣненіями именно должны были войти въ извѣстный компромиссъ съ христіанствомъ, болѣе или менѣе усвоеннымъ большинствомъ Якутовъ и подвергнуться подъ вліяніемъ православія извѣстнымъ видоизмѣненіямъ, между тѣмъ, какъ теоретическая часть прежняго вѣроученія, не приходя въ непосредственное прикосновеніе съ дѣйствительной жизнью и, сохранившись лишь въ видѣ преданія, конечно, дошла до насъ въ болѣе первобытномъ видѣ.

Такимъ образомъ, прежніе боги переродились въ шаманскихъ мистеріяхъ въ дьяловъ, или духовъ тьмы. Та-же метаморфоза, которой подвергались наши русалки, лѣшіе или домовые, а также богъ Панъ, передавшій свой обликъ христіанскому дьяволу.

Сказанного будетъ, я думаю, достаточно, чтобы сдѣлать яснымъ нѣкоторымъ несогласія между дѣятельностію шамана и тѣмъ, что извѣстно о первоначальныхъ вѣрованіяхъ Якутовъ. Сперва займемся первымъ изъ этихъ вопросовъ, а затѣмъ перейдемъ ко второму, но прежде всего для большей ясности ниже-слѣдующаго предположемъ краткій очеркъ отношенія Якутовъ къ православію.

Въ Якутской области всѣ Якуты, за рѣдкимъ исключеніемъ, крещены въ православіе или родились отъ православныхъ родителей, но трудно поручиться за любого православнаго Якута, одинаково какъ Тунгуса или Юкагира, чтобы онъ пересталъ вѣрить въ шаманство, не прибѣгалъ къ нему, и мнѣ лично были знакомы два шамана, одинъ, жившій около г. Якутска, а другой—на островѣ Кытахѣ, у устья Лены, которые офиціально считались православными. Инородцы видятъ рѣдко православнаго священника, который по громадности своего прихода, по разбросанности инородческихъ жилищъ, при необыкновенной трудности путей сообщенія, былъ бы въ состояніи хоть разъ въ годъ посѣтить каждого православнаго, а посѣща, не въ состояніи пробѣть въ стойбищѣ болѣе двухъ, трехъ дней, спѣша воспользоваться удобнымъ путемъ, чтобы проѣхать далѣе. Можно съ болѣшою достовѣрностію сказать, что 0,8 инород-

ческаго населенія никогда не видало храма Божія, а какъ я лично слышалъ отъ бывшаго якутскаго епископа преосвященнаго Діонисія, бывали не рѣдко случаи, что сами священники умирали безъ напутствованія, оставляя записку, въ которой каялись въ своихъ грѣхахъ предъ смертю. При такихъ условіяхъ ничего нѣтъ удивительнаго, что инородцы, считаясь христіанами, имѣя въ переднемъ углу своей юрты иконы и всегда поставленныя передъ ними восковыя свѣчи, обращаются къ шаманамъ, ожидая найти чрезъ ихъ посредство удовлетвореніе своихъ религіозныхъ потребностей, но для меня рѣшительно остается необъяснимымъ¹⁾ случай, бывшій въ 1880 году съ однимъ священникомъ въ г. Якутскѣ, который, заболѣвъ, самъ прибѣгалъ къ помощи шамана, ища въ его мистеріяхъ своего исцѣленія. Не утверждая положительно, сколько помню, фамилія этого священника была Поповъ. Увѣренъ, что такой случай не единичный и вѣроятно повторялся не разъ. Послѣ этого не будетъ ни для кого удивительнымъ, что зажиточный Якутъ, живущій въ городѣ, хорошо говорящій по-русски, имѣющій награды за жертвованія на церковь, или даже постройку ихъ, призываетъ помочь шамана при какомъ-либо домашнемъ несчастіи: при болѣзни кого-либо изъ семьи, при падежѣ скота и пр.

Трудно допустить, что якутскій инородецъ, консервативный во всѣхъ своихъ убѣжденіяхъ, не измѣнившій себѣ въ своихъ вѣковыхъ обычаяхъ, обрядахъ, образѣ жизни, сдѣлалъ-бы легко уступку въ дѣлѣ религіи. Если якутскій инородецъ принимаетъ христіанство только потому, что начальствующіе исповѣдываютъ эту вѣру, что эти начальники утверждаютъ выборныхъ на сельскія должности только православныхъ и только для христіанъ является въ перспективѣ надежда получить медаль отъ бѣлага царя, который сидѣтъ гдѣ-то далеко, въ своей стеклянной юрѣ такъ далеко, что и представить себѣ трудно, если, говорю, инородецъ изъ честолюбія желаетъ быть среди своихъ начальникомъ и крестится, то такія практическія соображенія нисколько не убѣждаютъ его въ необходимости оставить свои вѣрованія въ шаманство и не обращаться къ нему по мѣрѣ своей душевной потребности, тѣмъ болѣе, что онъ не находитъ такого удовлетворенія въ христіанствѣ.

Я помню хорошо, что когда мнѣ пришлось уговорить одного завѣдомаго шамана (православнаго) выполнить мистерію просительную, т. е. такую, которая

¹⁾ Не тоже ли почти самое повторяется въ Европ. Россії, гдѣ множество людей грамотныхъ, отчасти образованныхъ, прибѣгасть въ «минуты жизни трудныя» къ захарямъ и захаркамъ, къ разнымъ фокусникамъ, лѣчашимъ отъ всѣхъ болѣзней какимъ нибудь однимъ средствомъ, иногда просто невскою водою. Въ Якутской области легко ли раздѣльть порядочнаго врача? Измученному страданьями больному или его близкимъ право извинительно ухватиться за шамана, какъ утопающему за соломинку. Никому не ставя въ образецъ бѣднаго батюшки Попова, можемъ понять и объяснить себѣ подобные случаи въ этомъ удивительномъ краю нашей Руси, такъ живо изображенномъ высокоуважаемымъ и даровитымъ авторомъ этихъ очерковъ. Ред.

совершается, когда чего-нибудь просять отъ духовъ, то онъ, войдя въ юрту, набожно три раза перекрестился передъ образами, потомъ, обратившиесь задомъ къ нимъ, усѣлся передъ каминомъ на полу, сталь призывать своихъ духовъ. Объ этой мистеріи подробно я буду говорить ниже. Скажу больше: на сѣверъ отъ Якутска по пролегающимъ трактамъ нѣтъ холма, горки, особнякомъ стоящаго дерева, озера, рѣки, ручейка, чтобы они не имѣли своего духовнаго покровителя, почему болѣе значительные изъ нихъ называются не иначе, какъ эбя-хотунъ (госпожа-бабушка) и на ряду съ природными якутами русскіе купцы, для умилостивленія мѣстного духа, приносятъ жертвы: всякий даетъ, что можетъ; одни отрываютъ полоску отъ своего платья, вырываютъ нѣсколько волосковъ изъ конской гривы и привѣшиваютъ къ дереву или колу при дорогѣ, нѣкоторые кладутъ деньги, а у кого ничего нѣтъ, то хоть камень, конскую голову, конскую кожу, свой посохъ. Такая жертва называется дельбигря салака. Я помню хорошо возвышенность Верхоянского хребта, который приходилось переваливать, и громадное дерево на самой его возвышенности, увѣшанное разноцвѣтными тряпочками. Сопровождавшій меня при этой поѣздкѣ пятидесятникъ якутского казачьяго полка П. Н. Калинкинъ, смѣясь рассказывалъ, что казаки, сопровождающіе почты, всегда роются около этого дерева и не безъ успѣха отыскиваютъ деньги, которыя пропиваются при первомъ удобномъ случаѣ. Тѣ-же самые казаки, которые пропиваются принесенные духамъ въ жертву деньги, отправляются въ тайгу на промыселъ за звѣремъ или птицей, желаютъ встрѣтить въ своеѣ предпрятіи такой-же завидный успѣхъ, какой видятъ у природнаго инородца, и подражая промышленнику во всѣхъ его приемахъ, также приносятъ духу, покровительствующему охотѣ, соотвѣтствующую жертву, но вместо причитаній, употребляемыхъ на каждый промыселъ особое, бормочутъ какой-то наборъ словъ, иногда перемѣшивая эту тарабарщину словами не твердо знакомой имъ православной молитвы. Не только Якутъ, но даже Русскій изъ мѣстныхъ уроженцевъ никогда не рѣшился сѣсть отдохнуть подъ тѣнь одинокаго дерева, убѣжденный, что на немъ живетъ духъ: лучше скорѣе миновать его. Помню также случай, когда сопутствовавшіе по Верхоянскому округу Якуты, отчаявшись дождаться хорошей погоды, прекращенія пурги, сначала бормотали молитвы, призывая на помощь Тангарту (Бога) и Николая Угодника (и здѣсь покровителя странствующихъ), стали, наконецъ, шаманить. Вызванный на объясненіе такого рѣзкаго перехода, шаманствующій спокойно отвѣтилъ: «не поможетъ Богъ, духи могутъ услышать и помогутъ». Такое безразличіе, на мой взглядъ, объясняется просто: не пристали къ берегу, а отстали отъ другаго; не усвоили вѣры въ Бога, потерявъ довѣrie въ силу и мощь прежде чтимыхъ духовъ.

Якуты (вообще инородцы Якутской области) въ большинствѣ очень

нервны, въ особенности женщины и между ними не рѣдкость встрѣтить подверженныхъ меряченю. Г. Щукинъ въ своей книгѣ «Поѣзда въ Якутскъ» называетъ меряковъ—имеряками, производя это название отъ Якутскаго слова имерехъ, что значитъ вздрогивать, бѣсноваться. Онъ-же сообщаетъ, что мерячене не есть единственный видъ нервно-истерическихъ болѣзней, встрѣчающейся въ Якутской области, но что въ его время въ Колымѣ и Зашиверскѣ существовали еще кликуши (стр. 172 сборн. «Сибири»). Припадокъ меряченя выражается обыкновенно въ безсознательномъ моментальномъ подражаніи другому. Стоитъ только при такомъ субъектѣ вскрикнуть, какъ припадочный вздрогнетъ и повторяетъ какое-либо рѣзкое движение другого,

Мнѣ много разъ пришлось видѣть, какъ очень почтенные люди приводили въ замѣшательство меряка; проѣзжая черезъ г. Верхоянскъ для обозрѣнія округа, я остановился въ домѣ фельдшера Климовскаго, человѣка лѣтъ 60, очень почтенного и тамъ уважаемаго. Ко мнѣ явились мѣстные исправникъ и протоіерей. Провожая ихъ, я вышелъ въ переднюю, гдѣ мой почтенный хозяинъ помогалъ имъ одѣваться. До того времени я никогда не видаль припадковъ меряченя и какъ будто предугадавъ это, и желая меня потѣшить, протоіерей бросился на исправника, дѣлая видъ, что срывается на немъ шапку. Климовскій моментально бросился тоже на исправника и сталъ ругаться ужасными словами, но вскорѣ пришелъ въ себя и очень сконфузился.

Другой разъ мнѣ пришлось видѣть меряка на пароходѣ между Благовѣщенскомъ и Хабаровкой. Весь праздный людъ на пароходѣ преслѣдовалъ этого несчастнаго: куда-бы онъ ни пошелъ по палубѣ, всюду встрѣчали его неожиданнымъ хлопаньемъ въ ладоши; больного корчило, и онъ мгновенно бросался на проходящаго съ ругательствомъ, но быстро приходилъ въ себя и стыдливо прятался въ сторону; гдѣ его встрѣчали тѣмъ-же. Стоитъ при мерякѣ бросить что-нибудь обѣ полѣ, и онъ безсознательно повторяетъ тоже; такъ этотъ мерякъ (повидимому купеческій прикащикъ) бросалъ въ воду свой картузъ, на палубу свой стаканъ съ чаемъ и тоже въ воду кошелекъ съ деньгами, который держалъ въ рукахъ. Послѣднее обстоятельство его возмутило въ особенности, какъ вызванное помощникомъ капитана парохода, крикнувшаго и бросившаго въ рѣку какую-то щепку. Видѣлъ я также въ г. Олекминскѣ на Ленѣ женщину, обыкновенно очень степенную и даже стыдливую, которую пріпсковые рабочіе заставляли продѣлывать самыя возмутительныя вещи, крикнувъ, и затѣмъ сказавъ, что она должна сдѣлать, и она исполняла.

Въ нашей научно-медицинской литературѣ мнѣ всего разъ пришлось встрѣтиться съ меряченемъ (иначе ольгинджей) chorea imitatoria, именно въ Архивѣ судебнѣй медицины 1868 г. № 2 и отчетѣ доктора Кашина, наблюдавшаго эту болѣзнь; болѣзнь состоитъ, по опредѣленію названаго доктора,

въ подражательности и отчасти конвульсивныхъ движенияхъ и дѣйствіяхъ, которые больные производятъ безъ всякаго сознанія, копируя дѣйствія и движенія другихъ. Разъ доктору Кашину пришлось быть свидѣтелемъ такого случая. Одно изъ отдѣлений роты 3-го баталіона забайкальскаго казачьяго войска, составленное изъ мѣстныхъ уроженцевъ, во время ученья повторяло командныя слова. Командиръ, конечно, разсердился, сталъ браняться, кричать, грозить и съ удивленіемъ услышалъ, что отдѣление повторяетъ все это за нимъ. Между Якутками болѣзнь эта принимаетъ иногда такую форму, что несчастныя исполняютъ приказанія, отъ кого-бы они не исходили и въ чемъ-бы они не состояли, чѣмъ не рѣдко пользуются негодяи изъ мѣстной молодежи.

Я потому остановился, повидимому, долго на этого рода больныхъ, что шаманами становятся болѣе нервные изъ инородцевъ, болѣе склонные къ раздраженію, приходя во время мистерій въ экстазъ, или расположенные къ нему, или вызывая его въ себѣ искусственно раздирающими душу дикими выкрикиваніями, кружениемъ на одномъ мѣстѣ и раскачиваніемъ головы въ стороны. Инородцы вѣрятъ, что шаманъ, во время мистеріи, проявляетъ случаи пророчества, будучи одержимъ самимъ дьяволомъ, духомъ темнаго, подземнаго царства. Эти-то одержимые, или по собственному призванію, или по избранію (шаманами-же) становятся шаманами. Посвященіе въ шаманы совершается публично: шаманъ возводить посвящаемаго на высокую гору, или выводить на открытое поле, одѣваетъ его въ куму, вручаетъ ему талину, увѣшанную конскимъ волосомъ; ставить по правую его сторону 9 юношей, а по лѣвую 9 дѣвицъ; самъ становится позади посвящаемаго, произносить въ слухъ шаманское заклинаніе, которое посвящаемый обязанъ повторять за нимъ.

«Обѣщаюсь быть покровителемъ несчастныхъ, отцемъ бѣдныхъ, матерью сиротъ; буду чтить демоновъ, живущихъ на вершинахъ высокихъ горъ и клянусь служить имъ тѣломъ и душой. Буду почитать, поклоняться и служить верховнѣйшему, сильнѣйшему изъ нихъ, демону надъ демонами, повелителю трехъ родовъ демоновъ, живущихъ на вершинахъ горъ, именуемому шаманами Состуганахъ Улу-Тоѣнъ (грозному, гордому), его старшему сыну Уйгуръ-Тоѣнъ (сумасшедшему), его женѣ Уйгуль-Хотунъ (сумасшедшей), его меньшему сыну Кякя-Чуранъ-Тоѣнъ (звонкоговорящему), женѣ его Кякя-Чуранъ-Хотунъ и ихъ многочисленной семье и служителямъ, черезъ которыхъ посылаютъ на людей болѣзни, припадки, ломоту костей, судорогу въ ногахъ. Обѣщаю отъ болѣзней этихъ избавлять страждущихъ, принося въ жертву кобылу масти каря (оловой).

Буду знать, почитать, поклоняться и служить меньшему брату Улу-Тоѣна демону Хара-Сурунъ-Тоѣну (черному ворону), его сыну Албанъ-Вурай-Тоѣну (изворотливому удальцу), его дочери Кысъ-Сатылай (пѣшкомъ

ходящей дѣвѣ), склоняющихъ людей къ убийству, самоубийству и ябедамъ. Обѣщаюсь избавлять людей отъ этихъ наклонностей, принося за нихъ жертву этимъ демонамъ коня масти хара (вороной).

Буду знать, почитать и поклоняться демону Алтанъ-Собирай-Тоену (мѣдному тазу), женѣ ега Алтанъ-Собирай-Хотунъ (съ большой мѣдной лапой) ихъ дочерямъ: Тимирь-Кутурукъ (желѣзный хвостъ) и Кеюльганъ-Дарханъ (важная, великая, подсѣкающая), насылающихъ на людей хроническую язву. Страдающихъ буду избавлять, принося за нихъ въ жертву водку (арагы) и буду пускать на волю въ честь демоновъ наряженную чайку (хопто).

Буду знать, почитать и поклоняться праородительницѣ этихъ демоновъ, известныхъ подъ именемъ Кюнь-Желерюмя Саркылъ-Хотунъ (дырявая пропасть солнца), въ ней 52 дырявыхъ стола и 52 служителя. Она посыаетъ на людей страсть къ картамъ, пьянству, разбою, грабежу, худымъ дѣламъ и самоубийству. Людей, одержимыхъ этими пороками, буду исцѣлять. Я убью красно-чубарую кобылицу, иноходью ходящую, сердце и печень этой кобылицы обмотаю вокругъ шеи своей, буду шаманить и умилостивлю гнѣвъ ея.

Я буду знать, почитать и поклоняться демону надъ демонами 6 родовъ, живущихъ тамъ, куда отправляются души грѣшниковъ, буду поклоняться тому, который известенъ шаманамъ подъ именемъ Талирдахъ-Танъ-Таралы-Тоенъ (дерущій въ пропасти), его дочерямъ Сороха-Хотунъ (вѣтряной красавицѣ) и Санъ-Хотунъ и его многочисленнымъ служителямъ, которые посылаютъ на людей и скотъ повальную смертность; для умилостивленія ихъ буду приносить въ жертву кобылу масти турагасъ-элямъся (рыже-пѣгая).

Буду знать, почитать и поклоняться демону Архахъ-Тоенъ (больному) и женѣ его Архахъ-Хотунъ, насылающихъ на людей чахотку; страждущихъ этой болѣзни буду исцѣлять, принося въ жертву корову масти кюрьжугая (бурую).

Буду знать, почитать и поклоняться демону Боръ-Малахай-Тоенъ (земля, безобразный) и женѣ его Боръ-Малахай-Хотунъ, насылающихъ на людей разныя болѣзни и преимущественно смертность. Если у кого не живуть дѣти, я буду просить у этихъ демоновъ умилостивленія и принесу имъ въ жертву черную корову съ головой на половину бѣлой (хара-магасъ).

Буду знать, почитать демона Нясь-Елю (кляча, смерть), жену его Ыэрыкъ-Хотунъ (больная), насылающихъ на людей падучую болѣзнь и сибирскую язву. Страждущихъ этою болѣзнью буду избавлять, принося въ жертву налима (сыэлысарь) и тайменя (биль).

Буду знать, почитать и поклоняться демону Кытай-Баксы-Тоенъ (не переводимо), который даруетъ Якутамъ искусствъ кузнецовыхъ и могущественныхъ шамановъ. Если Кытай разгневается на кузнеца, то посплетъ на

него болѣзнь, а я велю убить въ честь его корову масти кугасъ (красную), кровью ея вымажу (окрошу) всѣ кузнецкие инструменты, а сердце и печень испеплю въ гориѣ. Если я самъ заболѣю отъ этого демона, то другой шаманъ принесетъ за меня умилостивительную жертву.

Буду знать, почитать и поклоняться дочери демона Тамыкъ-Хотунъ (надменная). Она посылаетъ на людей разнаго рода сумасшествіе. Одержимыхъ этою болѣзнью буду избавлять, принося въ жертву 9 горностаевъ, 9 ласокъ 9 хорьковъ, 9 голубей, которыхъ велю поймать живыми и, нарядивъ ихъ, отпущу на волю.

Буду знать и поклоняться, буду почитать шаманку Таjaktaхъ-Нячай (слабосильную съ тростью), мужу ея Атыръ-Хахай (орель) и ихъ многочисленному роду и потомству, насылающему на людей стѣсненіе въ груди; страдающихъ этой болѣзнью буду избавлять, принося въ жертву однорогую корову красной масти (агаръ-мостахъ-кугасъ).

Буду знать, почитать, поклоняться небесному шаману Кубилыръ-Оюнъ (блѣому лебедю), сестрѣ его Кыталыктыръ-Кырыкы (стерхъ острокрылый) и матери ихъ Соруктахъ-Содоръ (щедрой повелительницѣ), насылающихъ на людей глухоту и всякую ушную болѣзнь. Страждущихъ буду избавлять, принося за нихъ въ жертву однорогую корову красной масти (агарь мостахъ кугасъ).

Память о первомъ шаманѣ восходитъ къ давнимъ временамъ; имя его было Ань-Аргыль-Оюнъ. Онъ былъ могущественъ и дѣлалъ великія чудеса: онъ воскрешалъ мертвыхъ, возвращалъ слѣпымъ зрѣніе. Слухъ о такихъ чудесахъ дошелъ до Аи-Тоена (Господа Бога). Онъ послалъ спросить шамана, именемъ какого бога онъ дѣлаетъ чудеса и вѣритъ ли въ него? Ань-Аргыль-Оюнъ (важный шаманъ) три раза отвѣтилъ, что въ Бога онъ не вѣритъ, а чудеса творить собственою властью и силою. Разгневанный Аи-Тоенъ велѣлъ сжечь шамана, но такъ какъ тѣло Оюна состояло изъ массы гадовъ, то изъ пламени спаслась одна лягушка и поселилась на высочайшей горѣ. Отъ этой-то лягушки произошли могущественные демоны, которые и нынѣ снабжаютъ Якутовъ шаманами. Однимъ изъ главныхъ демоновъ почитается сынъ Ань-Аргыль-Оюна Кюнъ Кягисъ-Оюнъ (солнце — ненасытный обжора); у него въ рукахъ огромный желѣзный посохъ, на который надѣвается голова посвящаемаго въ шаманы; этой головѣ съ высоты показываютъ весь міръ; самое-же тѣло посвящаемаго разрѣзываютъ на части и разбрасываютъ внизъ злыи духамъ, которые, подобравъ эти кусочки, чрезъ то самое становятся служителями посвящаемаго. Посвящаемые въ шаманство въ припадкахъ своего изступленія, полныхъ галюцинацій, осязательно испытываютъ всѣ мученія отрѣзанія ихъ головы и разрѣзанія ихъ тѣла на мелкія части.

Не всякий шаманъ имѣть костюмъ, въ которомъ долженъ отправлять свои мистеріи. Шаманы обыкновенно люди очень бѣдные, не имѣющіе собственаго хозяйства; они пробиваются изо дня въ день, прокармливаясь подаяніемъ за свои мистеріи. Костюмъ шаманскій стоить очень дорого, такъ какъ всѣ украшенія его должны быть выкованы изъ желѣза съ рѣзьбой по желѣзу; количество, размѣръ и форма всѣхъ украшеній костюма должны быть соблюдены съ пунктуальной точностью, установленной временемъ и обычаемъ. Выковать всѣ желѣзныя принадлежности къ костюму можетъ не всякий кузнецъ и за эту работу не охотно возьметъ даже 40 рублей. Сколько мнѣ известно, шаманскихъ костюмовъ въ Якутской области осталось очень мало, можно сказать на перечеть. Земская полиція и духовенство, провѣдавъ про шамана, отбираютъ отъ него шаманскій костюмъ и сжигаютъ его при Якутской консисторіи, но лишеніе костюма не лишаетъ его возможности продолжать отправленіе мистерій. Весь костюмъ шамана при его мистеріи состоить изъ кафтаны, спитаго изъ ровдуги, или кожи, бубна съ колотушкой и палки. Кафтанъ носить название куму; онъ увѣшанъ до 40 желѣзными украшеніями, изображающими: ящерицу, гагару, дырявое солнце, половину луны, демона, желѣзную цѣпь, или же ровдужный хвостъ. Эти украшенія должны напоминать шаману и шаманствующимъ, что царство духовъ, куда отправляется шаманъ во время мистерій, населено тѣми-же животными, птицами, рыбами, а дырявое солнце и половина луны, что въ мѣстѣ, гдѣ заселены духи, царить полумракъ. Хвостъ означаетъ, что шаманство вѣрно и крѣпко, какъ самая цѣпь и служить путеводителемъ въ царство духовъ. Разныя подвязки и желѣзныя-же колѣнцы, въ видѣ суставовъ, изображающія кости рукъ и реберъ, служатъ шаману щитомъ въ его странствіяхъ по царствамъ духовъ, и въ борьбѣ съ непріязненными духами. Рукава и полы куму увѣшаны длинной ровдужной бахрамой. Бубень называется ею гюрь. Онъ бываетъ продолговатый, деревянный и обтягивается телячей кожей безъ шерсти. Ко внутренней его сторонѣ прикрѣпляется крестообразная поперечина, за которую и держать бубень во время мистерій. Эта рукоятка называется быэрыкъ. Внутренняя сторона бубна увѣшана желѣзными побрякушками, не имѣющими символического значенія и опредѣленного рисунка. Колотушка въ бубень называется былаихъ—костяная или деревянная палка, вершковъ пяти, обшита кожей, шерстью наружу. Бубень служить символическимъ изображеніемъ животнаго, на которомъ шаманъ спускается въ преисподнюю, въ царство духовъ; а палочка—погонялкой, бряканьемъ его и стукомъ въ него онъ увѣдомляетъ, что находится въ пути. Палку (какая попадется въ руки) шаманъ употребляетъ, лишь когда нѣть у него бубна и, на нее опираясь, онъ даетъ понять, что странствуетъ. Гиканьемъ и дикими возгласами онъ также замѣняетъ бряканье.

бубна, когда его иѣть. Приготовленіе куму и бубна сопровождается мистеріями шамана.

Перейду къ болѣе подробному перечню украшеній шаманскаго костюма: на передней части куму, отъ шеи къ низу по борту пришиваются три изображенія стерха (кыталы)—эмблема полета шамана. Когась—гагара—эмблема того-же полета.

На мѣстѣ сердца три фигуры черта (эмаятъ, абасы) — эмблема вѣчнаго присутствія демона въ сердцѣ, два изображенія желѣзного сердца дьявола—сюряхъ-тимира.

На мѣстѣ ключевыхъ костей двѣ желѣзныя полоски, изображающія эти кости (хамарганъ-тимира).

Тяргянь-беря—изображеніе почекъ дьявола.

Ойгосъ-бельгуня—двѣ боковыя подвздошныя кости.

Ойгосъ-умохтаръ—четыре ребра дьявола съ каждой стороны.

Восьмиугольная фигура съ 7 дырочками, пришитая у горла. Обѣ ней шаманы отказываются дать какое либо объясненіе, говоря, что ни одинъ человѣкъ не рѣшится назвать и объяснить ея значеніе.

На рукавахъ: двѣ плечевые кости—бульгюль-тимира.

Двѣ локтевые кости—акымаль-хашага.

Запястья рукъ—двѣ кости—бегальчахъ-сюсіега.

Кости ладони—двѣ—акымаль-улуга.

Двѣ кости, изображающія крылья птицъ—табыталь-тимира.

Бахрама на рукахъ означаетъ крылья коршуна—эліе

На спинѣ: кельятгай хобота, круглыя погремушки, абасъ семяга—дьявольскія украшенія, необходимыя для снисхожденія въ преисподнюю.

Абасы балыга—дьявольская рыба.

Кѣдѣй-кэхана—дьявольскія украшенія.

Кюляръ-кюсянатъ—веселое, радостное солнце; на немъ двѣ желѣзки; балыкъ-кыганы, кандей-сысана означаютъ хвостъ солнца—кюянъ кутурока.

Ойбонъ тимира—желѣзная прорубь, куда скрывается гагара послѣ того, какъ поглотить шамана. При этой желѣзкѣ внизу привязана эмята, изъ которой шеть гагара.

Хатать тимири—огниво дьявола.

Батырысь—бахрама на подолѣ.

Двѣ желѣзки на подобіе рогъ сохатаго—значеніе неизвѣстно.

Какъ я упомянулъ выше, когда шаманствующій не въ состояніи самъ помочь своей бѣдѣ, онъ зоветъ шамана, надѣясь透过 his посредство получить отъ демоновъ ожидаемое облегченіе. За сотни верстъ юздрать за шаманомъ и вѣсть объ ожидаемомъ прѣздѣ шамана быстро разносится по окрестностямъ.

ности; любопытные и жаждущие избавления отъ своихъ несчастій массами стекаются туда посмотретьъ на шамана, спросить о своемъ будущемъ, и шаманъ никогда не отказывается отъ отвѣтовъ, утверждая, что при мистеріяхъ они въ особенности проявляютъ даръ пророчества.

Шамана встречаютъ съ почетомъ усаживаютъ въ почетный уголъ, угожаютъ водкой и лучшимъ съѣстнымъ и излагають передъ нимъ свою просьбу. Шаманъ не стыдится требовать убоя быка или лошади, смотря по значенію просьбы и того духа, къ которому придется обращаться въ мистеріи. Якуты безпрекословно исполняютъ его требованіе, и мясомъ угощаются вмѣстѣ съ шаманомъ всѣ присутствующіе. Извѣстная часть убитаго животнаго идетъ, по учению шамановъ, на жертвоприношеніе. Наѣвшись и выпивши, шаманъ надѣваетъ куму, если у него она есть, подходитъ къ камину съ передней его стороны, бросаетъ въ огонь масло, которое бросаетъ духамъ, горстями ловить пары отъ масла, подносить ко рту, показывая видъ, что глотаетъ ихъ, пріобщаясь, такъ сказать, духа, къ которому намѣренъ обратиться съ ходатайствомъ. Береть бубень, садится передъ каминомъ-же на подостланную лучшую шкуру оленью, бычью, отороченную по краямъ баҳрамой изъ конскаго волоса, цвѣтныхъ тряпочекъ, или окрашеныхъ ольховой корой хвостиками мелкихъ звѣрей. Шкурка кладется головой къ камину, бьетъ по бубну долго и громко, привлекая на себя вниманіе духовъ протяжнымъ крикомъ «аѣ», зѣваеть дьявольскою зѣвотой, три раза вскрикиваетъ голосомъ гагары «чекъ, чекъ, чекъ», три раза кричить, какъ стерхъ, три раза кукуеть и три раза кричить ворономъ. Потомъ взываетъ къ косому (инистягасъ), кривому (кельтигай) хрому (доголонъ): дьяволу (ююкъ эмягтать), проклинаетъ себя, увѣряя сатану въ своей къ нему преданности, обѣщая быть вѣрнымъ его слугой и умоляетъ взойти въ него. Потомъ встаетъ, полагая, что онъ сообщился съ дьяволомъ, что дьяволъ вошелъ въ него и онъ сталъ обладателемъ его власти, силы и могущества, взываетъ бѣлой птицей юрюнь-асъ): пусть будетъ это моимъ мѣстомъ, пусть поростетъ оно зеленою травой; къ твоему тѣлу и крови пріобщился я, дьяволъ! Корень всѣхъ золъ и несчастій (ытыкъ ёлю тѣрдѣ), продолжаетъ онъ, ты, осминогий уродъ алджарай), я соединился съ тобой, а ты помоги исполненію желанія, я пришелъ отъ Сюрдяхъ-кяптахъ Сюгя-Тоентонъ — страшнаго бога топора и Кини-Сургю-Ютянинъ сюрьгюя, чтобы спасти его спасительнымъ орудіемъ, а потому шаманки съ огненными бичами, живущія въ преисподней, не выходите вверхъ состязаться со мной и проклинать меня; я сѣль на пушъ земли, чтобы защитить страждающихъ; я знаю, у меня много недостатковъ, но вы почитите, какъ-бы ихъ не было у меня и попятитесь назадъ. Три черныхъ тѣни твои, дьяволъ, сообщились со мной, поэтому, прошу тебя, помоги мнѣ. Твой,

кую-то скотину дамъ я тебѣ, ты помоги бѣдѣ моей! Шаманъ своимъ завывающимъ голосомъ поетъ, что сатана пришелъ къ нему, что онъ уговорилъ сатану передать свою просьбу объ исцѣленіи больнаго его предкамъ въ адъ, или главному сатанѣ. Приходъ дьявола и обратное путешествіе его въ адъ шаманъ передаетъ въ пѣснѣ, которая всегда означаетъ разговоръ; онъ поетъ и за себя и за духовъ, которыхъ вызываетъ и путешествія ихъ представляется жестами, переступая на мѣстѣ, защищая глаза ладонью, какъ будто выематривая мѣстность, сопровождая ударами въ бубенъ. Часто, если ожидается исцѣленіе больнаго, сатана не сразу соглашается исполнить просьбу шамана, или требуетъ, чтобы шаманъ самъ заискалъ покровительства главныхъ духовъ, и тогда шаманъ пѣсней и бубномъ даетъ понять, что онъ, очень трудно ступая, отправляется по крутой горѣ, на небо, съ непосредственнымъ ходатайствомъ о помощи. Также бываетъ, что шаманъ, не вызывая духовъ изъ преисподней, спускается въ адъ къ своимъ предкамъ и сатанѣ и передъ ними въ унылой протяжной пѣснѣ заявляетъ свои желанія и упованія, которые выражаются такъ: «я пришелъ защитить, имѣя въ руки бичемъ небесную молнию, возвратите мнѣ душу чада моего, берите взамѣнъ ея другую жертву и обращаясь къ старшей старухѣ (хоттутторга), говоритъ: если болѣзнь причинила ты, то дай знакъ. Послѣ чего шаманъ, возвращаясь изъ преисподней (оїбонъ тимирия) на крыльяхъ гагары (когасъ) поднимается на небо, гдѣ, ублажая верховныхъ духовъ (ердяргя), говоритъ: солнце-мать согласилась на выздоровленіе больнаго, и вы согласитесь, за что получите подарки, и, яко-бы получивъ разрѣшеніе пользоваться больнаго и узнавъ вѣрное средство для его спасенія, возвращается. Чѣмъ болѣе благопріятны вѣсти при возвращеніи изъ преисподней или съ неба, тѣмъ воодушевленіе присутствующе поощряютъ его и довольные просятъ поспѣшить шамана исцѣленіемъ больнаго. Шаманъ, однако, не торопится исполненіемъ просьбы и, поломавшись достаточно, уступаетъ упрашиваніямъ. Исцѣленіе бываетъ различно, смотря по обстоятельствамъ, или шаманъ подходитъ къ больному, осматриваетъ больного и, плюнувъ себѣ на ладонь, натираетъ больное мѣсто и затѣмъ уверяетъ домашнихъ, что если жертвоприношеніе будетъ угодно духамъ, то больной поправится непремѣнно, но если духи не удовлетворятся жертвой, то не въ его силѣ измѣнить ихъ рѣшеніе.

Въ другомъ случаѣ, шаманъ подходитъ къ постели больнаго, три раза кричить надъ его головой «тебѣ какую скотину надо, только скажи мнѣ, лишь оставь больнаго?» Духъ, сидящій въ больномъ, черезъ шамана отвѣчаетъ: «если ты мнѣ дашь саджагай (корову съ бѣлой спиной), или булуръ (буланую лошадь), то я оставлю больнаго». Требуемую скотину даютъ. Для чего берутъ 10 цѣлыхъ маленькихъ лиственницъ (уонъ-кербяна) и одну березу;

ставлять одну лиственницу и березу рядомъ около юрты; на первой дѣлаютъ девять зарубокъ, остальные 9 деревьевъ ставятъ полукругомъ около первыхъ двухъ, на южной сторонѣ, и обвязываютъ веревкой, украшенной цветными лоскутками и конскимъ волосомъ. Къ дереву съ зарубками (салама) привязываютъ жертвую животное, при чёмъ шаманъ, возносясь на небо, обращается къ Аи-Тоену съ просьбой о помилованіи, говоря, что люди соболѣзнуютъ больному, старухи (хотутторь) возвратили его душу (куть), такъ возьми вместо души это животное. Крикнувъ три раза и три раза плюнувъ на животное (больной тоже плюетъ), отпускаютъ его въ стадо. Шаманъ продолжаетъ: «вотъ стоитъ она, возьми ее, держи, но спаси!» «я взялъ, отвѣчаетъ дьяволъ черезъ шамана, и черезъ 7, 8, 9 дней больной поправится». Шаманъ постъ, что дьяволъ вмѣстѣ съ гагарой проваливаются въ преисподнюю (ойбоньтимирия) гдѣ отдаетъ принесенную скотину на убий, а для образности береть дощечку (которая должна изображать собой столъ), дѣлаетъ въ ней круглое отверстіе, на дощечку кладетъ кусочекъ мяса и бросаетъ въ огонь. Затѣмъ три раза зажигаетъ гриву отъ чернаго коня вдыхаетъ въ себя этотъ чадъ просить кого-либо изъ окружающихъ высѣчь надъ его головой огня и дать ему напиться смѣси воды съ кислымъ молокомъ (умданъ), воды того мѣра. Затѣмъ, береть три вѣтки и ими стуча въ бубень, выгоняетъ остатки дьявола: «сверху упавшіе — вверхъ подите; снизу пришедшіе — внизъ ступайте, вы, дьяволы!» «Затѣмъ, обезсиленный завываніемъ, метаньемъ изъ стороны въ стороны, закружившись, потный садится на землю, иногда отъ утомленія не въ состояніи снять съ себя своей куму».

Животное, такимъ образомъ принесенное въ жертву богамъ, не употребляютъ въ работу, а въ случаѣ смерти замѣняютъ другимъ, такой-же масти, иначе къ больному можетъ возвратиться также болѣзнь. Бываетъ и такъ, что въ жертву старухамъ (хотутторга) убиваютъ животнаго. Языкъ, сердце и печень, сваривъ, ставятъ на особенный для этого случая сдѣланный столъ обѣ одной ножкѣ; столешница его имѣеть по срединѣ круглое отверстіе.—Остальное мясо съѣдаются Якуты, послѣ чего кости и другие остатки сжигаются, чѣмъ и выполняется жертвоприношеніе.

Трудно поручиться за душевное состояніе инородцевъ, которое они испытываютъ во время мистерій; я не могъ прочесть опредѣленного выраженія на ихъ лицахъ, вообще, подвижныхъ, но про себя скажу, что я отъ души желалъ, чтобы поскорѣе кончилъ шаманъ свою мистерію. Окружающая обстановка: маленькая юрта съ пылающимъ каминомъ, передъ огнемъ мечущійся фаватикъ, котораго едва могутъ удержать двое выбранныхъ молодцевъ, чтобы онъ въ пылу своего экстаза не бросился въ огонь, или по меньшей мѣрѣ не разбилъ себѣ голову; эти дикия завыванія, выкрикиванія не могутъ оставлять

человѣка даже съ здоровыми нервами въ полномъ спокойствіи. Шаманъ до того входитъ въ свою роль, что совершенно забываетъ себя, онъ видимо увѣренъ въ своемъ общеніи съ мощными, злыми духами, которыхъ нельзя не страшиться, противъ злой, капризной, иногда неумолимой воли которыхъ приходится дѣйствовать только жертвой собственной личностью, которую онъ отдаетъ всецѣло въ ихъ распоряженіе. Во всякомъ случаѣ, если не допускать вѣру въ шаманство со стороны инородцевъ, хотя и принявшихъ крещеніе, то во всякомъ случаѣ нужно признать въ нихъ боязнь, страхъ къ нему почти всѣхъ безъ исключенія; люди, которымъ я не могу отказать въ полномъ довѣріи, утверждали, что они знали одного священника, который ударилъ шамана, а послѣдній отмстилъ ему тѣмъ, что священникъ сошелъ съ ума.

Шаманъ не отказывается отъ исповѣди и Св. Причастія, онъ каєтся искренно въ своемъ общеніи съ дьяволомъ, но не въ силахъ потомъ отказаться отъ совершенія мистерій. Во всякомъ случаѣ не корысть и не какой-либо иной разсчетъ мѣшаютъ ему разъ на всегда покончить съ тѣмъ дѣломъ, въ которомъ онъ раскаивается; мнѣ не приходилось слышать о зажиточности шамановъ, напротивъ, шаманъ весьма часто получаетъ за свой заговоръ большого глаза по 5 к., а что значуть эти деньги къ себѣверу отъ Якутска, когда лично отъ меня Якуты отказывались брать по двугривенному за рябчика, объясняя, что имъ некуда дѣвать монету, что, если-бы она была съ ушкомъ, то онъ пришилъ бы ее какъ пуговицу. а безъ ушка онъ просить мои двугривенные взять обратно. Меньшая денежная единица—рубль! Страшное первое потрясеніе, которое испытываетъ шаманъ послѣ мистеріи, обезсиливаетъ его по крайней мѣрѣ на цѣлый день. По поводу шаманства мнѣ приходилось говорить съ инородцами на устьяхъ Лены и по Янѣ, — шаманы сами признавались, что семи шамановъ, по общимъ замѣчаніямъ, никогда не бывають счастливы: болѣзни и несчастія преслѣдуютъ ихъ и ихъ семьи, но что ужъ судьба ихъ такова, и отъ нея-то не уйти при ихъ безотрадномъ безъисходномъ положеніи.

Кромѣ шамановъ, есть еще и шаманки (удаганъ), тоже служительницы духовъ преисподней, но онѣ, какъ-бы славны не были, не пользуются авторитетомъ, равнымъ своимъ соперникамъ-мужчинамъ, къ нимъ обращаются лишь за неимѣніемъ по близости шамановъ, или когда нужно отыскать вора и похороненное. Числомъ шаманокъ болѣе, нежели шамановъ. По мнѣнію инородцевъ, шаманки лечатъ удачнѣе душевно-больныхъ и только въ этихъ случаяхъ онѣ предпочтительнѣе передъ шаманами. Когда шаманъ или шаманка умретъ, тѣло ихъ, одѣтое въ куму, кладутъ въ деревянную колоду; въ головахъ кладутъ деревянное изображеніе сокола, въ ногахъ — кукушку, а по бокамъ по идолу—въ знакъ того, что душу шамана духи уносятъ въ свое царство,

Тѣло шамана не предаютъ землѣ, а ставятъ на высокихъ столбахъ въ открытомъ мѣстѣ, или помѣщаютъ на дерево. Такая гробница называется хорчахъ. Въ сѣверной части Верхоянского округа мнѣ самому пришлось видѣть такую гробницу и сохранить изъ нея желѣзныя украшенія отъ перегнившаго куму. Вообще умершаго одѣваютъ въ лучшее его платье, иногда въ нѣсколько его шубъ, въ шапку; въ руки даютъ трубку и кисетъ съ табакомъ; въ ноги ставятъ деревянную чашку съ пищей. Въ нѣкоторыхъ могилахъ я видѣлъ желѣзные инструменты, употреблявшіеся покойнымъ для выдѣлки ровдуги (замши) изъ оленыхъ шкуръ, луки со стрѣлами, мѣдвѣжьи рогатины. По словамъ г. Припузова, обычай этотъ впрочемъ, нынѣ выводится, и шамановъ хоронятъ по христіанскому обычаю.

Обращаясь къ якутской миѳологіи, повторимъ опять, что имѣющіяся у насъ о ней свѣдѣнія крайне скучны, какъ въ виду разрушающагося характера этого вѣроученія, о чёмъ было сказано во вступленіи къ настоящей статьѣ, такъ и въ виду малаго знакомства по этому предмету самихъ adeptовъ этой религіи, сообщавшихъ намъ о ней свѣдѣнія, а, слѣдовательно, и въ виду скучности могшихъ быть собранными нами по означенному вопросу материаловъ.

Якутскія божества живутъ или на вершинахъ горъ, на небѣ—Еся абасыларъ (горніе духи) и у подошвы земли въ преисподней — Алларя абасыларъ (низовые демоны) и дѣлятся на добрыхъ духовъ, имѣющихъ общее название Аи, тангара (Богъ) и злыхъ или демоновъ. Къ числу первыхъ принадлежать:

Ють-тасть олбохтахъ Юрюнь-аи-тоэнъ, онъ-же Айбытъ-Ага (создавшій отецъ), бѣлый богъ на молочно-каменномъ престолѣ живеть на небѣ, онъ господствуетъ надъ всѣми отдѣльными богами, дѣлаетъ только исключительно доброе всему живущему во вселенной. Онъ создатель міра, почему къ нему на ысѣхахъ (весеннихъ религіозныхъ торжествахъ) обращаются съ поднятымъ къ нему чарономъ (точеный изъ дерева кубокъ) и просятъ его благословенія на весь людъ и скотъ его; поднимая къ небу чаронъ, чтущіе Юрюня увѣрены, что онъ отпиваетъ кумысъ, почему оставшееся въ чаронѣ дѣлится между Якутами, какъ цѣлительный напитокъ, освященный устами юрюна. Шаманъ увѣряетъ, что Ють-тасть олбохтахъ-аи-тоэнъ, при поднесеніи ему чарона, является на небѣ, сидящимъ на молочномъ престолѣ и благословляетъ Якутовъ и ихъ стада. Выше Юрюня нѣть бога, по учению шамановъ.

Аисытъ (подательница благъ)—богиня эта живеть на небѣ, она благодѣтельствуетъ людямъ, посылая имъ дѣтей, облегчая роды женщинъ; вообще проявляетъ много добра, въ особенности для женщинъ, не покидаетъ въ пе-

ріодъ послѣ родовъ. Ей приносять жертвы послѣ благополучныхъ родовъ; обѣ обрядыъ этомъ я буду говорить особо. Аисыть нѣкоторые называютъ иначе, именно: Кюбай-хотунъ. Этимъ добрымъ божествамъ не приносять кровавой жертвы, а только отъ своей пищи.

Второстепенные добрые боги (орольжуттаръ) — Ань-дойду итчитя Ань-дарханъ-хотунъ (богиня, покровительствующая землѣ), живеть на лучшихъ деревьяхъ, ниспосыпаетъ злакъ и тукъ растеніямъ; она, по увѣренію шамановъ, иногда является людямъ, которые во всю жизнь послѣ того не встрѣчаютъ нужды и вполнѣ благоденствуютъ. Жертвы ей приносятся различныя, по указанію шамановъ.

Сюгя-тоенъ, хара-беги-тоенъ — (богъ скота); онъ посыпаетъ людямъ дѣтей, также телятъ: по увѣреніямъ шамановъ, онъ даетъ белеляхъ-кулуну и мяняхъ-огону, т. е. жеребенка съ лысиной и ребенка съ родинкой (лысина и родинка — признакъ счастья). Размѣръ и свойство жертвы опредѣляется шаманомъ.

Уордахъ-джюсюгай-Аи — богъ сердитый, наказывающій людей за преступленія. Умилостивительная ему жертва — лошадь или быкъ.

Учитель Припузовъ сообщаетъ, что этотъ богъ даруетъ людямъ отважныхъ мужчинъ, ретивыхъ лошадей и тяглыхъ быковъ.

Тотъ-же Припузовъ упоминаетъ про Хотай-Аи, который даруетъ людямъ физически слабый приплодъ, но за то въ большомъ количествѣ, среди коего преобладаетъ женскій полъ.

Эехситъ — богиня, неотступно сопутствующая человѣку и помогающая ему въ добромъ его намѣреніи, пользуется большой любовью иуваженіемъ Якутовъ, охотно приносящихъ ей жертвы. По увѣренію шамановъ, если Эехситъ оскорбится на человѣка и отступится отъ него, то послѣдній остается виѣ всякой защиты отъ искушеній злыхъ духовъ — это якутскій ангель-хранитель; кто спасается отъ какой-либо опасности, говорятъ — при немъ была Эехситъ. Ей приносятъ кобылицу.

Бай-Баянай — богъ звѣроловъ; онъ сопровождаетъ промышленника повсюду и невидимо помогаетъ въ ихъ промыслахъ. Якутъ, отправляющійся въ дальнюю дорогу за добычею звѣриныхъ шкурокъ, вырѣзаетъ изъ дерева идола, обмазываетъ его кровью животнаго, которое убиваетъ въ его честь. Мясомъ убитой скотины угощаются шамана и гостей, а статую Бай-баяна ставятъ въ передній уголъ на почетный оронъ (почетная нара въ лѣвомъ переднемъ углу). Иногда Бай-баянай остается въ своемъ углу многія лѣта.

Укуланъ — богъ рыбаковъ, живя въ водѣ, способствуетъ успешному лову рыбы; въ жертву ему приносятъ 2-хъ лѣтнюю телку.

Изъ боговъ и другихъ добродѣтельныхъ существъ можно назвать еще:

Кись-тангара — богъ соболь. Изображеніе его представляеть видъ человѣка, одѣтаго въ соболью шкуру. Это изображеніе хранять въ ровдужномъ мѣшкѣ, расшитомъ разноцвѣтнымъ бисеромъ. Въ важныхъ случаяхъ къ нему обращаются за заступничествомъ, причемъ бросаютъ въ огонь масло; а также Ань-дарханъ-тоенъ или Алъ-отъ-иччитя — демонъ огня; какъ жертвоприношеніе — ему бросаютъ въ огонь часть пищи, которую Ѵдятъ.

Ань-дарханъ — маститый старецъ, онъ посредникъ между людьми и злыми духами. Никакая жертва не совершается безъ жертвы богу огня. Онъ дверь, черезъ которую можно войти съ жертвою къ другому духу.

Богъ огня — самое благодѣтельное существо въ жизни человѣка, во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни; онъ оказываетъ самое близкое и живое участіе, потому-то ему первому и при всякомъ случаѣ бросаютъ въ огонь часть пищи, которую хотятъ Ѵсть. Это маститый, почтенный старецъ и его величаютъ: Быряхя-бытыка-кырылъ-тюсюмять, т. е. сѣдая борода, слѣдящая особа.

Демоны, или злые духи, суть:

Жохе огонь-оюнъ-кинясь — сатана князь бѣсовъ: причиняетъ людямъ зло, болѣзни, падежъ скота, безѣнницу; для умилостивленія приносятъ въ жертву жерту жеребца каурой (суръ-жагыль) масти.

Бологуръ-хотуна, Дохсунъ-дуянъ и Бахсы-тоен-а-альляхай — демоны, первый мужчина, второй женщина; какъ увѣряютъ шаманы, оба они были люди, но за грѣхи обращены въ злыхъ духовъ — демоновъ; они лишаютъ людей разсудка; въ жертву имъ приносятъ кобылу чубарой (чугуръ) масти. Джахтанъ-бырадай или Юрюнъ-огустахъ былъ когда-то шаманомъ и имѣлъ бѣлаго быка, котораго у него укралъ, отчего онъ обозлился, и его за наказаніе послѣ смерти сдѣлали демономъ. Онъ причиняетъ болѣзнь, въ особенности дѣтямъ въ груди, которая оканчивается смертію, если ему не принесутъ въ жертву бѣлую З-хъ лѣтнюю телку.

Сордахъ-Чонахъ, при жизни была шаманкой, она виновница разныхъ эпидемій. Шаманы передаютъ, что она видомъ отвратительна, обѣ одной рукѣ, обѣ одной ногѣ и единственный ея глазъ у нея во лбу. Въ жертву ей приносятъ корову красно-пеструю (кѣхъ-эбирень).

Мангыны-кысы-тынгырахтахъ-кяджай, бывшая шаманка, причиняетъ людямъ сумасшествіе и другія болѣзни. Въ жертву ей приносятъ корову съ прозрачными рогами и копытами, съ лысиной на лбу, съ пестрымъ хвостомъ, шерстью красноватой (дженкирь-мостахъ-туяхтахъ, торатосахтахъ, ала-кутуруктахъ-кугасъ). Въ честь ея дѣлаютъ идола, украшая его горностаевой шкуркой; въ этого-то идола, по понятіямъ шамановъ, и можетъ быть безвыходно заключена эта фурія. Идолъ этотъ получаетъ название кысъ-тангара — дѣвица богиня; ставятъ его въ уголъ средней балки, отъ камина на

лѣво, т. е. на сѣверъ, и оставляется изъ рода въ родъ и на столько почтаемъ, что малѣйшее прикосновеніе къ нему можетъ вызвать гибель этой фуріи.

Бухаръ-додаръ—демонъ смерти, онъ ъздить на быкѣ Боръ-кюрюнь, т. е. на барсѣ землянаго цвѣта; живеть въ аду (эдянъ-тюгяря), гдѣ совмѣстно проживаютъ восемь главныхъ демоновъ, кромѣ другихъ, менѣе значительныхъ.

Сыры-кыса—происхожденіемъ шамана, она искушаетъ людей на разныя преступленія, жалобы и тяжбы. Ей жертвы не приносять, и шаманъ безъ всякихъ труда прогоняетъ ее.

Сюллюкютеръ—обитатели водъ; они живутъ подобно людямъ, разводя стада. Въ водѣ много мха, который, будучи вынесенъ на сушу, превращается въ деньги, но послѣ трехъ дней снова превращается въ мохъ.

Седека—маленькая, уродливая дѣвочка, съ огромнымъ животомъ, живеть въ хотонѣ (хлѣвѣ) и портить скотъ.

Кромѣ упомянутыхъ демоновъ и фурій, Якуты вѣрятъ еще въ менѣе значительныхъ, какъ напримѣръ: торбо сѣ-а бысыта (демонъ телятъ), кялямя (демонъ сластолюбія), котораго довольно оригинально изображаетъ шаманъ; онъ описываетъ этого демона крайне не привлекательнымъ и вдобавокъ запкой. Когда шаманъ является въ образѣ кялямя, Якуты не могутъ удержаться отъ смѣху, шутять съ нимъ и разспрашиваются, откуда онъ пріѣхалъ, на что шаманъ отъ лица этого демона отвѣчаетъ, что пріѣхалъ онъ издалека, на разстояніи одной кривой сосны, переночевавъ въ дорогѣ 9 дней; нѣтъ-ли здѣсь хорошихъ дѣвокъ, спрашиваетъ демонъ далѣе, и при удовлетворительному отвѣтѣ, охоранивается, кривляется, что очень забавляетъ Якутовъ. Кялямя шаманъ представляетъ болѣше для шутки.

Шаманы учатъ, что всею вселенною управляетъ Ють-тасъ, или, какъ его еще называютъ, Айбытъ-ага (создавшій отецъ), Аи-тоенъ (господь). Незримый и непостижимый, живеть онъ на седьмомъ небѣ и сносится съ землей чрезъ посредство боговъ, живущихъ на низшихъ небесахъ. Всѣхъ небесъ семь. Въ преисподней тоже есть свой глава—князь тьмы. Добрые духи (Аи, боги), а равно демоны (абасы), души умершихъ, которыя за добродѣтели или за грѣхи превращены въ геніевъ или демоновъ, по мѣрѣ ихъ добродѣтели и пороковъ, и занимаютъ разныя мѣста и должности, какъ въ той, такъ и другой іерархіи, подчиняясь безпрекословно волѣ того, кому служить обязаны.

По учению шамановъ, есть такимъ образомъ три міра: міръ небесъ (халланъ-юрьдя), средній—земля (орт-дойду) преисподній — или адъ (эдянъ-тюгяря). Первый—царство свѣта; низшій — царство тьмы, а земля до времени отдана Творцемъ—(Ють-тасъ-олбохтахъ Юрюнъ-Аи-Тоеномъ) на волю дьявола—

соблазнителя, и души людей, по смерти ихъ, смотря по заслугамъ, будуть отсылаться въ то или другое царство. Когда-же кончится земной міръ, то души обоихъ царствъ будутъ вести войну, и побѣда должна оставаться за добрыми душами, души-же грѣшниковъ будутъ преданы вѣчному мученію ада.

Создатель, предоставивъ временный земной міръ на искушеніе дьявола, въ то-же время послалъ на землю Эхсность, ангела хранителя и души праведныхъ, которые обязаны защищать людей отъ нападеній дьявола; дьявола сила ограничена на столько, что онъ не имѣеть напр. права лишать человѣка жизни. Дьяволъ есть только мечь божій, орудіе, черезъ которое наказываются грѣшные люди, и дьяволъ не можетъ помиловать кого-либо, освободить отъ наказанія, но черезъ демона шаманъ можетъ обратиться съ ходатайствомъ къ создателю.

Шаманъ есть слуга дьявола и самъ будущій дьяволъ, но покуда душа его не разлучена съ тѣломъ, онъ пользуется дьявольскими дарами: ясновидѣнія, духовѣдѣнія, исцѣленія, злотворенія и проч., а какъ живущій на землѣ, между небомъ и преисподней, пользуется удобствомъ сношенія съ обоими; онъ, по мѣрѣ надобности, исходитъ въ преисподнюю самъ, или вызываетъ оттуда нужныхъ демоновъ; если-же демонъ самъ чего сдѣлать не можетъ, то посыпаетъ шамана въ горній міръ просить разрѣшенія Творца, и шаманъ, какъ видѣли, восходитъ на небо. Когда-же шаманъ захочетъ сдѣлать зло, то вызываетъ изъ ада того духа, который необходимъ для него, и вызванный духъ исполняетъ желаніе шамана. Злой духъ не охотно уступаетъ просьбамъ шамана—оказать кому-нибудь доброе дѣло и, лишь получивъ какое-либо жертвоприношеніе, разрѣшаетъ шаману подняться на небо за непосредственнымъ ходатайствомъ передъ Творцемъ.

Болѣе славные шаманы ведутъ свою родословную изъ глубокой древности, и нерѣдко пѣлое поколѣніе служитъ аду, и послѣдній потомокъ, при испрашиваніи помощи по своей профессіи, прежде всего обращается къ своимъ предкамъ шаманамъ, чтобы они, болѣе заслуженные, способствовали скорѣйшему исполненію его просьбы.

Какъ видно изъ предыдущаго, душа (куть, тынь) человѣка способна превратиться въ доброго духа или демона, смотря по дѣламъ при жизни человѣка; такъ еще и при жизни человѣка душа не рѣдко разстается съ нимъ, напр. во время сна. Человѣкъ заболѣваетъ отъ того, что душу его поймалъ дьяволъ, и если онъ продержитъ ее долѣе возможнаго, то человѣкъ долженъ умереть; по просьбѣ больного или его окружающихъ, шаманъ можетъ возвратить больному его душу; если-же душа не возвратится и человѣкъ умрѣтъ, значитъ гнѣвъ демона не могъ быть умилостивленъ, по причинамъ отъ шамана не зависящимъ. Бываетъ и такъ, что душа, отлучившись отъ тѣла на

время, заблудившись, долго не возвращается на свое мѣсто, а возвратившись черезъ долгій промежутокъ находить свою оболочку уже не годною къ воспріятію ея, тѣло разложилось и душа съ грустью отлетаетъ, поселяясь въ тѣло близкаго родного бывшаго своего храма; много подобныхъ случаевъ переселенія рассказываютъ шаманы своимъ вѣрующимъ.

Шаманы утверждаютъ, что послѣ смерти человѣка, въ немъ еще остаются на время слѣды его души, вѣрнѣе, душа продолжаетъ еще витать около своего прежняго обиталища, потому-то до погребенія, вообще во время присутствія души около тѣла, трупъ продолжаетъ слышать и видѣть все происходящее вокругъ него, и Якуты стараются быть осторожными при мертвцахъ. Со смертью человѣка, душу его береть дьяволъ и водить по мѣстамъ, гдѣ при жизни своей бывалъ покойный и наказываетъ ее тамъ, гдѣ человѣкъ грѣшилъ. Такое мытарство продолжается одну ночь и только не водить дьяволъ душу покойнаго, гдѣ стоитъ крестъ (въ позднѣйшее время), почему Якуты, чтобы избавить своего сородича отъ лишнихъ наказаній, ставить вокругъ юрты деревянные кресты. Якуты обыкновенно хоронять въ день смерти и чтобы не привести за собой демона смерти, возвращаясь съ погребенія, разжигаютъ по дорогѣ домой костры, которые перепрыгиваютъ, уверенные, что демонъ смерти, боясь огня, не послѣдуетъ за ними, и они тѣмъ самыми освобождаются отъ преслѣдованій ненавистнаго имъ духа смерти, Надъ этимъ-же огнемъ вытряхиваютъ платье покойника, чтобы вытрясти изъ него демона, если-бы онъ вздулся туда забраться. Хоронить стараются на курганахъ, чтобы приблизить покойника къ небу; курганы обыкновенно песчаны и сухи, въ нихъ легче рыть могилу, чѣмъ въ солонцеватыхъ низменностяхъ.

Какъ сказано было раньше, Якуты около двухсотъ лѣтъ тому назадъ поклонялись явленіямъ природы, почему интересно ознакомиться съ возврѣніями обитателей Якутской области на эти явленія, какъ съ остатками у нихъ космогонической миѳологии.

Громъ (этингъ) и молнію (чагылганъ) производятъ два небесныя божества! Жам(н)ъ-бурай (удалой ревунъ) и Сюгя-тоенъ (топоръ господинъ). Припузовъ говоритьъ, что они посыпаютъ свои удары, чтобы преслѣдовать злыхъ духовъ; я же слышалъ, что, кроме того, цѣль ихъ паденія очистить землю отъ разныхъ болѣзней, иногда-же громъ и молнія вызывается шаманомъ, который, обиженный кѣмъ либо, просить боговъ поразить молніей его обидчика, или то, что ему дорого.

Затѣмъ, соглашаясь вполнѣ съ изложеннымъ у г. Припузова, повторяю за нимъ остальное: къ оживленію человѣка, пораженного молніей, не употребляютъ никакихъ средствъ. Животныхъ, убитыхъ молніей, ёдятъ. Когда сильно загремитъ громъ, Якутъ достаетъ осколокъ дерева, разбитаго молніей, который

имѣется почти въ каждой юртѣ и имъ окуриваетъ юрту кругомъ, произнося: Жам(н)ъ-Бурай-жасыпда, сюгя-тоенъ-сюльгайдя, арчи, арчи, т. е. удалой ревунъ ревнуль, топоръ—господинъ зашевелился, прочь, прочь! Съ окуриваніемъ нечистый духъ, скрывавшійся въ юртѣ отъ преслѣдованія неба, выгоняется и люди избавляются отъ болѣзней, которыя съ собой приносятъ эти злые духи.

Осколокъ бросается въ поле, далеко отъ юрты, чѣмъ устраниется ударъ молніи. Якуты находятъ въ полѣ послѣ грозы круглые камни или продолговатые, какъ долото, ихъ считаютъ упавшими съ неба—громовыми стрѣлами. Они употребляются какъ цѣлебное средство (напр. скоблять ихъ и порошекъ въ водѣ даютъ пить для извлеченія дѣтскаго мѣста или противъ задержанія мочи). Такжѣ, какъ говорить Припузовъ, такой камень хранять, увѣренные, что онъ избавляетъ отъ опасности грозы.

Припузовъ говоритъ, что у Якутовъ существуетъ повѣрье, что внутри животныхъ можно найти каменныхъ идоловъ, которые имѣютъ такую силу, что только стоитъ вынести на открытый воздухъ въ лѣтній день, какъ произойдетъ вѣтеръ. Камни эти называются сата. О такомъ повѣрьи мнѣ не приходилось слышать, но не отрицая его, добавлю, что я видѣлъ такие камни, что они не болѣе какъ послѣдствіе болѣзни животнаго, у котораго внутренность почечной лаханки пополняется камнемъ; животное заболѣваетъ, его призываютъ, мясо їдятъ, и тутъ-то обнаруживается каменная фигура въ родѣ уродливой индюшки.

Съ распространеніемъ христіанства шаманство мало-по-малу, какъ уже не однократно сказано раньше, видоизмѣняется, поступаясь старинными обычаями, такъ точно и приводимая ниже языческая присяга отошла въ прошлое и въ настоящее время едва-ли гдѣ имѣть свое первобытное значеніе: «я униженно стоящій человѣкъ передъ существующими на славныхъ семи небесахъ: Юрюнь-айтоенъ, Сюгя-тоенъ, Бай-баянной-тоенъ, Ордахъ-ай, передъ солнцемъ, умѣющимъ столько-же сіяній и передъ закономъ бѣлаго царя моего, стоя на колѣняхъ передъ огнемъ, клянусь и обѣщаюсь показать самую истину безъ всякой лице-пріятія, но только то, что лично самъ видѣлъ и слышалъ, безъ всякой лжи и утайки; если же въ нарушеніе сей моей клятвы, что покажу должно или отрекусь отъ истины, то заклинаю себя, чтобы языкъ мой притянутъ былъ къ затылку, глаза мои обратились въ ледъ и лишиться мнѣ языка и движенія рукъ и ногъ моихъ, да буду ползать на сѣдалище. Господь Богъ не покажетъ мнѣ добра въ женѣ и дѣтяхъ моихъ и земнаго богатства, да отвернется лицо мое къ заду и брошенъ буду лицемъ на черную землю. Создатель неба и земли поразить меня пронизывающимъ взоромъ, да не буду ходить на землѣ и не увижу своихъ близкихъ; да получу себѣ смерть раз-

личными на свѣтѣ проказными болѣзнями, которыми облекусь, какъ одеждю, и не увижу свѣтозарныхъ лучей солнца; да провалюсь я въ преисподнюю, гдѣ постигнутъ меня различныя мученія. Да буду Всевышнимъ Богомъ проклять, если, вопреки моей клятвѣ, я не буду говорить самую правду. Затѣмъ пусть накажутъ меня наказывающіе за всякия неправедныя дѣла нечистые духи: Тоенъ-кинясь (Жохсогонъ-ола-кинясь?) и шаманка Хотунъ-чонахъ (Сордихъ-чонахъ?). Изъ дома-же присутственного мѣста, поставленного по закону бѣлаго царя, заклинаюсь не выдти за порогъ, а выползти мнѣ подъ оный. Зависимый отъ Бога огонь да застрѣлитъ меня въ становую жилу. Вся это клятва обратится на виновнаго и злоторящаго изъ насть на вѣки вѣковъ. Злой духъ на водахъ не пропустить меня мимо, а погрузить меня, какъ камень, на дно. Послѣ сей моей клятвы, если буду уличенъ свидѣтелями въ ложномъ принятіи оной, подвергаю себя разнымъ жестокимъ царскимъ наказаніямъ».

Объ образованіи земли Якуты передаютъ такую легенду: теперь видимая земля раньше была вся залита водой и представляла обширное, бесконечное море. Однажды Ють-тасть-олбохтахъ Юрюнь-ай-тоенъ летѣлъ надъ этимъ моремъ и, увидавъ плавающаго пузыря, спросилъ его, кто ты и откуда? Пузырь отвѣчалъ, что онъ сатана и живетъ на землѣ, которая подъ водой. Ай-тоенъ и говоритъ: если правда, что подъ водой земля, то достань мнѣ кусокъ ея. Сатана погрузился въ воду и черезъ нѣкоторое время выплылъ съ кускомъ земли. Богъ взялъ этотъ кусокъ, благословилъ его и легъ на него. Увидѣвъ это, сатана задумалъ утопить Бога и сталъ тянуть этотъ кусокъ земли, но чѣмъ больше онъ тянулъ, тѣмъ шире она растягивалась къ его огорченію и покрыла большую часть воды; такъ-то образовалась земля, на которой теперь живутъ люди¹⁾.

В. Л. Приклонскій.

ТАБЛИЦА III (къ главѣ V).

Распределеніе населенія области по вѣроисповѣданіямъ за 1887 г.	м.	ж.	И т о г о .
православнаго	128.237	123.541	251.778
католическаго	112	17	129
протестантскаго	12	3	15
послѣдователей разн. хр. сектъ . . .	834	593	1.427
іудейскаго	260	229	489
магометанскаго	1.167	666	1.833
И т о г о	130.622	125.049	255.671

¹⁾ Эта глава уже была напечатана въ Зап. Восточн. Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. Здѣсь она помѣщена съ нѣкоторыми исправленіями и измѣненіями почтеннаго автора. Ред.

Якутскія народныя повѣрья и сказки.

(Приложение къ Этногр. Оч. Три года въ Якутской области),

Улкумню Уланъ.

трехъ сестеръ уже не было. Улкумню сѣль на своего любимаго коня и поѣхалъ вслѣдъ за демонскимъ богатыремъ. Іхалъ онъ долго и наконецъ догналъ демонскаго богатыря, который Іхалъ, посадивъ 2-хъ сестеръ позади своего сѣдла, а третью спереди. Уоть Оранъ, увидавъ погоню, запѣль: «Вотъ подлинно славный богатырь, что догналъ скоро. Ты, вѣроятно, єдешь ко мнѣ на свадьбу и получить свадебный подарокъ? Предупреждаю тебя, путь будетъ очень длинный, сопряженный со многими трудами и лишеніями, а подарокъ, который я тебѣ дамъ, ты не возьмешь, мои коровы-тигры, мои лошади-медвѣди, поэтому совѣтую тебѣ єхать домой обратно». Пропѣвъ это, Уоть Оранъ сдѣлался огненнымъ вихремъ и исчезъ изъ глазъ Улкумню Улана, который, продолжая путь свой, доѣхалъ до высочайшихъ хребтовъ, которыхъ не могли перелетать даже птицы. Онъ взялъ свою стрѣлу и лукъ, натянулъ тетиву и пустилъ стрѣлу, которая грянула, какъ сильный громъ, и разсѣкла скалу насквозь на столько, что могъ проѣхать возъ съ сѣномъ и онъ благополучно проѣхалъ этотъ путь; продолжая далѣе, онъ достигъ страны, наполненной медвѣдями и волками, которые въ несмѣтномъ количествѣ напали на него и обгрызли его и коня до половины, затѣмъ далѣе налетѣлъ на него рой осъ, которые были величиною съ его сѣдло, а весь рой ихъ, какъ большой зародъ сѣна; осы напали на него, и онъ чуть живой, спасшись отъ нихъ, свалился съ коня, не будучи въ силахъ усидѣть въ сѣдлѣ. Конь его, ставъ надъ нимъ, запѣль: «слушай мой хозяинъ, если есть еще въ тебѣ сила, вынь свой острый ножъ и распори мою кожу у лѣвой ноги; потечетъ сукровица, которую пей и намажь свои раны». Улкумню Уланъ такъ и сдѣлалъ и сталъ такимъ же молодцемъ, какимъ былъ у себя дома. Поѣхавъ далѣе, онъ достигъ прекраснаго края; издали еще онъ увидѣлъ серебряную юрту, подъѣхавъ къ которой, привязалъ къ столбу коня, вошелъ въ юрту, но въ ней никого не было. Къ вечеру пришла прекрасная дѣвица, которая оказалась хозяйкой; она его накормила жирной кониной и напоила крѣпкимъ кумысомъ. Онъ женился на этой дѣвицѣ. Она ему рассказала, что ее зовутъ Агысъ-былась сысэхахъ бытыкъ нюргустой Удаганъ (имѣющая косу длиною 8 сажень, чистая отборная шаманка), что она родилась на небѣ и дочь Кюнь Тоёна (Солнце господина) ее укралъ демонскій богатырь, имѣющій 8 головъ Арсанъ Долай и держитъ ее здѣсь, чтобы заманивать богатырей, которыми питается; днемъ она бываетъ съ нимъ, чтобы развлекать его своими пѣснями и играми, а ночь проводить у себя дома. Утромъ она отправилась къ Арсанъ Долаю, а Улкумню Уланъ побѣжалъ вслѣдъ за нею. Они прибѣжали къ желѣзному дому, въ которомъ жилъ страшный осьми-головый Арсанъ Долай; онъ замѣтилъ ихъ уже издали и выйдя къ нимъ на встрѣчу, приплясывая, запѣль: «вотъ моя неоцѣненная дочка идетъ, а за нею бѣжитъ для меня лакомый кусочекъ». Подѣжавъ къ Арсанъ Долаю, Улкумню Уланъ, ничего не говоря, ударилъ его своимъ копьемъ и между ними завязалась борьба; къ вечеру демонскій богатырь лежалъ, а на немъ сидѣлъ верхомъ Улкумню Уланъ, который, не смотря на просьбу демона, убилъ его. На другой день онъ отправился искать Уоть Орана, не смотря на просьбу своей жены не єхать къ демону, причемъ она говорила, что никогда не слыхала, чтобы демонъ женился на Якуткахъ. Должно быть онъ твоихъ сестеръ продалъ Якутамъ за большой калымъ. Но Улкумню Уланъ не послушался своей жены и отправился въ путь. Онъ доѣхалъ до огненного моря и конь его выростилъ изъ подъ переднихъ пахъ два жѣлезныя крыла, которые расправивъ, полетѣлъ чрезъ огненное море, но не могъ перелетѣть и на срединѣ сталъ спускаться къ морю, поэтому сбросилъ съ себя хозяина, который, вверхъ ногами, полетѣлъ въ море, а на срединѣ его былъ огромный холмъ, гдѣ жилъ сильнѣйший демонскій богатырь Тимирь-Баргый (Желѣзо клокотящій). На этотъ холмъ, полумертвый, упалъ Улкумню Уланъ; отъ шума его паденія житель холма высунулся до половины изъ окна своей юрты, а увидавъ Улкумню Улана, захотѣлъ своимъ демонскимъ страшнымъ смѣхомъ и запѣль: «сегодня моя утроба наполнится, мой деревянный богъ даль мнѣ большой кусокъ, въ видѣ сильнаго славнаго богатыря Улкумню Улана, котораго мой желудокъ безъ труда переварить». Затѣмъ онъ взялъ его за ноги и проглотилъ со всѣмъ его вооруженiemъ, даже не расчавкавъ: такой обширный былъ у него желудокъ. Между тѣмъ жена Улкумню Улана превратилась въ

сокола и летѣла вслѣдъ за мужемъ, а увидавъ кончину его, она съ плачемъ улетѣла обратно. Она была беременной и родила сына съ золотыми, на плечи падающими, волосами, котораго она назвала Елюнь Дохосунъ. На десятомъ году сынъ, послѣ долгихъ разспросовъ, узналъ, кто его отецъ и какъ онъ погибъ. Въ то время будучи уже мучимъ богатыремъ, онъ осѣдалъ своего гнѣдаго коня и поѣхалъ по слѣдамъ отца. Пріѣхавъ къ огненному морю, онъ привязалъ коня, а самъ превратился въ желѣзную рыбу съ тремя горбами на спинѣ, нырнуль въ море и вышлыъ къ жилищу Тимирь Баргыя, котораго не засталъ дома. Въ домѣ онъ замѣтилъ чуланъ съ большимъ, какъ собачья голова, висячимъ замкомъ, а передъ дверью его лежала двуглавая змѣя, которая, увидавъ Елюнь Дохосуна, зашипѣла и бросила ее на него, но онъ быстро разорвалъ ее на три части; отворивъ чуланъ, онъ нашелъ тамъ въ серебряномъ турсукѣ живую воду, а въ золотомъ мертвую воду, онъ до сыта напился живою водой, а оставленное перелилъ въ другую посуду, а вмѣсто живой воды налилъ мертвой. Затѣмъ спрятался и сталъ ждать Тимирь Баргыя, который явился скоро: на третью ночь сдѣлался страшный шумъ: то прилетѣлъ демонскій богатырь, въ видѣ трехъглаваго орла съ желѣзными перьями. Онъ усѣлся на трубу дома своего и запѣлъ слѣдующее: «отчего мое ледяное сердце трепещеть, отчего моя каменная печень раздувается, чую я не-добroe, но бояться мнѣ некого, нѣть болѣе сильнѣе меня богатыря на свѣтѣ; не можетъ быть, чтобы выросъ сынъ Улкумню Улана, когда-то мною проглоченаго, Елюнь Дохосунъ; онъ, говорили, будетъ сильнѣйшимъ богатыремъ, но ему кажется рано пріѣхать за розыскомъ отца. Все-таки предосторожность не мѣшаетъ, надо принять мѣры». Съ этими словами влетѣлъ въ чуланъ, гдѣ, не подозрѣвая подмѣна, напился мертвой воды, и тутъ-же лопнула его утроба. Въ его желудкѣ Елюнь Дохосунъ нашелъ кости своего отца, положилъ ихъ въ живую воду, кости покрылись тѣломъ, а когда онъ влилъ ему въ ротъ воды, то отецъ ожилъ, какъ человѣкъ, пробудившійся отъ долгаго сна. Придя въ сознаніе, онъ запѣлъ слѣдующее: «кто ты, дуралей, зачѣмъ ты мнѣ не даешь покою, мѣшаешь спать? Если человѣкъ—убирайся добромъ, если демонъ—сейчасъ-же изрублю тебя на куски». Сынъ, назвавъ себя, сказалъ ему, что онъ его сынъ и воскресилъ его изъ мертвыхъ. Тогда Улкумню Уланъ, припомнивъ послѣдняя обстоятельства своей жизни,увѣрился въ словахъ своего сына, и велика была его радость. Елюнь Дохосунъ превратился въ орла, посадилъ на себя отца и перелетѣлъ огненное море. Улкумню Уланъ, пріѣхавъ къ женѣ, устроилъ большой пиръ, созвавъ много народу. Тутъ онъ узналъ, что его сестерь демонскій богатырь отдалъ тремъ братьямъ богатырямъ и что онѣ счастливы, поэтому онъ за ними не поѣхалъ. За время его отсутствія изъ дома скотъ его умножился чрезвычайно. Улкумню женилъ своего сына на дочери Харахъ Ханъ мирнымъ путемъ, и они вошли въ число родоначальниковъ нынѣ живущихъ Якутовъ.

Бяртъ уоль Бяреть Бяргянъ (лучшій сынъ передовой мѣткій).

Очень давно, въ счастливой странѣ, гдѣ не бываетъ зимы, жилъ сильный и славный богатырь Бяртъ Уоль Бяреть Бяргянъ съ братомъ своимъ Кюнь Эрилинъ (Солнце крутило). У первого былъ конь вороной масти, настоящій орель, а у втораго—чалой. Жили братья богато, имѣли громадная стада рогатаго и коннаго скота, и обыкновенной пищей ихъ была жирная конина, а питьемъ крѣпкій кумысъ. Жили они, не имѣя сосѣдей и не скучая безъ нихъ, дружно и весело. Однажды утромъ, когда только занималась заря, младшій братъ Кюнь Эрилинъ, проснувшись, вышелъ на дворъ; съ востока подулъ теплый вѣтерокъ и, въ слѣдъ за нимъ прилетѣла птица съ серебряными перьями и, сѣвъ на столбъ, къ которому привязывали лошадей, запѣла: «мой привѣтъ и поклонъ Вамъ, сильные и славные богатыри, Бяртъ Уоль Бяреть Бяргянъ и Кюнь Эрилинъ! Если хотите знать, кто я такой—я богатырь Ань Айхаль; прилетѣль съ востока отъ богача Сабыланъ, имѣющаго прекрасную дочь Ханъ-шаманка. Онъ сдѣлалъ нынѣ большой Ысэхъ и просить васъ пріѣхать». Кюнь Эрилинъ рассказалъ брату,

что видѣлъ и слышалъ. Тотъ, не говоřа ни слова, схватилъ лукъ и стрѣлу и выбѣжалъ на дворъ, но птицы уже не было, она улетѣла далеко на востокъ. Не было грачица гнѣзу Бяреть Бярганя на младшаго брата, что онъ отпустилъ такую добычу, не стрѣляя по ней. Между тѣмъ Ань Айхаль прилетѣвъ къ Сабылану, сказалъ, что онъ былъ у богатырей Бярть Уоль Бяреть Бярганя и Кюнь Эрилина, но они не прѣдугутъ, что старшій братъ настолько былъ обиженъ его зовомъ, что хотѣлъ стрѣлять, но на счастіе онъ, Ань Айхаль, успѣлъ во время улетѣть. Тогда Сабыланъ устроилъ большой ясахъ, на который созвалъ всѣхъ земныхъ, подземныхъ и небесныхъ богатырей и знатныхъ жителей земли. На этотъ ширъ прїѣхали всѣ званые, такъ, напр., небесный повелитель Хара Сорунъ (черный воронъ) съ 22 племенами и подземный Боуръ Малахай (Земля Безобразный) съ 30 племенами. По окончаніи пира, Сабыланъ, обращаясь къ собравшимся гостямъ, запѣлъ: «слушайте, собравшіяся здѣсь почтенные лица: меня изобидѣли живущіе отсюда на западѣ два брата богатыря: Бярть Уоль Бяреть Бяргань и Кюнь Эрилинъ, къ которымъ я послалъ храбраго богатыря Ань Айхала звать къ себѣ, но они чуть не убили его; я прошу вашего содѣйствія и желалъ бы, чтобы сильные, собравшіеся здѣсь, богатыри поѣхали къ нимъ и привезли ихъ ко мнѣ». На этотъ вызовъ вызвались: небесный богатырь Кіень Далантай (широко размахивающій), подземный богатырь Буоръ Булахай (земля мѣшающій) и земной богатырь, имѣющій гнѣдаго коня, Тѣрѣтъ Бяргань (зачинщикъ мѣткій). Во время пути слѣдованія послѣдній изъ нихъ возвратился обратно, сказавъ, что онъ труситъ ѻхать къ такимъ страшнымъ богатырямъ, а двое первые, продолжая путь, прїѣхали къ братьямъ богатырямъ, и Кіень Далантай запѣлъ: «слушайте своими чуткими ушами и смотрите своими зоркими глазами, богатыри Бярть Уоль Бяреть Бяргань и Кюнь Эрилинъ: прїѣхалъ за вами я, Кіень Далантай и Буоръ Булахай, васъ зоветъ къ себѣ господинъ Сабыланъ, поѣдете добровольно—повеземъ, не захотите ѻхать—тоже повеземъ! Услыхавъ это, старшій изъ братьевъ выбѣжалъ изъ юрты и свернуль имъ обоимъ шеи. Затѣмъ братья, разсудивъ, что Сабыланъ зоветъ ихъ такъ настойчиво, рѣшили ѻхать къ нему. Младшій братъ осѣдалъ своего чалаго, а старшій сѣлъ на своего чернаго орла и отправились въ путь. Щали они долго, переплывая многія рѣки, пересѣкая хребты, пробираясь чрезъ дикую тайгу. Младшій братъ отставалъ, какъ ѻдущій по землѣ, а старшій улетѣлъ впередъ и первый прїѣхалъ въ страну Сабылана, гдѣ увидалъ на высокомъ бугрѣ огромный костеръ, и вокругъ него жарилось на вертелахъ цѣлыми тушами мясо лошадей и коровъ. Ихъ жариль желѣзный демонскій богатырь, а не подалеку отъ огня лежалъ другой великанъ-желѣзный богатырь, туловище котораго равнялось семериновой лодкѣ. Подѣхавъ къ нимъ, Бярть Уоль запѣлъ: «когда вы откармливали тотъ скотъ, который теперь жарите, или на что вы вымѣняли его, черномордые демоны? добромъ убирайтесь отсюда скорѣе. Если желаете знать, кто я такой—я богатырь Бярть Уоль Бяреть Бяргань». Тогда лежащий богатырь, приподнявшись съ земли, запѣлъ: «какой это дуралей мѣшаетъ моему покою, или онъ не знаетъ, что я сильнейшій небесный богатырь Хардагастай. Послушай мой рабъ, вынь изъ этого дурака сердце и печень и изжарь мнѣ ихъ!» Услышавъ это, рабъ его Оруку Соруку бросился на Бяреть Бярганя, но упалъ безъ головы, которую Бяреть отрубилъ ему. Тогда завязалась уже борьба между самими богатырями, и только на третій день Бяреть Бяргань, поваливъ небеснаго богатыря, сѣлъ на него верхомъ и приготовился перерѣзать ему горло, но, разглядѣвъ, увидалъ, что онъ сидѣлъ на бревнѣ, а небесный богатырь стоялъ въ сторонѣ цѣлъ и невредимъ и пѣлъ слѣдующее: «ты меня побѣдилъ Бярть Уоль Бяреть Бяргань. Правда, ты сильнейшій богатырь. Если я еще поверну къ тебѣ свое лицо, то пусть расколется моя шея, если я еще возвращусь къ тебѣ, то пусть вывихнутся мои суставы». Затѣмъ онъ, превратившись въ дымъ, исчезъ изъ глазъ Бяреть Бярганя. Въ это время подѣхалъ Кюнь Эрилинъ, и они отaborились на томъ мѣстѣ, гдѣ были демонскіе богатыри и стали ѻсть готовое мясо. На другой день утромъ пришла къ нимъ прекрасная шаманка Ханъ, дочь Сабылана и запѣла слѣдующее: «друзья и товарищи, слушайте своими чуткими ушами мою пѣсню: звала васъ я, за что прошу прощенія; меня постигла большая бѣда, три тода прошло, какъ меня сватаетъ за себя небесный богатырь Эрбяхъ Жагыль (Большой

палець крылатый) и съ своимъ меньшимъ братомъ, крутищимъ семь разъ на большомъ пальцѣ, Эридимя Дохсунъ (крутило Дерзкій) живуть у насть, и наконецъ настаетъ время, что они должны меня увезти; я прошу васъ освободить меня отъ нихъ, за что, если не побрезгаете, буду одному изъ васъ женой, въ противномъ случаѣ я готова быть у васъ служанкой». Услыхавъ это, старшій братъ сказалъ младшему: «иди ка ты къ этому богатырю Эрбяхъ Жагылу и прогони его добромъ, а то будетъ ему бѣда». Конь Эрилинъ отправился къ Эрбяхъ Жагылу и повторилъ слова своего брата, но тотъ приказалъ своему брату Эридимя Дохсуну, чтобы онъ убралъ такого дуралея, болтающаго глупыя слова, и вотъ между меньшими братьями богатырями завязалась борьба, длившаяся три мѣсяца, силою они были равны, и ни тотъ, ни другой не могли побѣдить противника и оба, обезсиленные, упали. Тогда Кюнь Эрилинъ запѣлъ: «брать мой, Бяртъ Уоль Бяртъ Бяргянъ! Твои чуткія уши оглохли, твои зоркіе глаза ослѣпли. Я обезсиленъ, умираю, чего ждешь ты, моей ли смерти?» Услышавъ это, Бяртъ Бяргянъ натянулъ свой лукъ гибкій и убилъ стрѣлой Эридимя Дохсуна. Увидѣвъ это, Эрбяхъ Жагыль превратился въ двуглаваго орла и улетѣлъ на востокъ, а улетая, пѣлъ: «бѣда и горе! что я скажу отцу моему, Улу Тоѣну—куда дѣвали брата своего. Пусть будетъ проклять тотъ, кто изъ небесныхъ захочетъ жениться на земныхъ дѣвахъ!» Послѣ этого Сабыланъ сдѣлалъ большой ширъ, и братья богатыри съ почестями были введены въ домъ и сѣли на постланыя для нихъ медвѣжьи шкуры. Кюнь Эрилинъ женился на прекрасной шаманкѣ Ханъ и Сабыланъ богато отпразновалъ эту свадьбу. Послѣ свадебнаго пиршества братъ съ прекрасной Ханъ собралисьѣхать въ свой край и отказались отъ приданаго прекрасной Ханъ, возражая Сабылану, что они сами богаты и не нуждаются въ приданомъ. Пріѣхавъ въ свой край, они зажили мирно и весело. Разъ утромъ, во время завтрака, Бяртъ Бяргянъ спросилъ брата и сестру—не знаютъ ли они гдѣ либо подходящую для него дѣвицу, ибо ему жить холостымъ не приходится, а между тѣмъ лѣта уходятъ. На это прекрасная Ханъ сказала, что она знаетъ подходящую для него невѣstu, живеть отсюда прямо на сѣверъ, но далеко, такъ что въ передній и обратный путь надо употребить до 30 лѣтъ; живеть невѣста у сильнейшаго демонскаго богатыря Тасъ Тирили (камень грохотающій), который укралъ ее съ неба у Кюнь Тоѣна (Солнце господина) и воспитываетъ прекрасную Ачыбы Чачыбы для заманиванія къ себѣ багатырей. Многіе славные богатыри пріѣзжали къ нему за этой красавицей, но Тимиръ Тирили всѣхъ побѣжалъ, а затѣмъ сѣдалъ. Услыхавъ это, Бяртъ Бяргянъ очень тому обрадовался и, наскоро собравшись, уѣхалъ. Ехалъ онъ долго по разнымъ краямъ и наконецъ пришлосьѣхать по каменистой мѣстности и черезъ большое озеро, по берегу котораго были разложены костры. Спрятавъ коня, онъ сталъ выжидать того, кто разводилъ этотъ огонь. Спустя нѣкоторое время вода въ озерѣ заколыхалась, и изъ нея вышелъ голый демонскій богатырь съ ношей на спинѣ и сталъ на разведенномъ огнѣ жарить рыбу. Когда Бяртъ Бяргянъ вышелъ къ нему, водяной житель, увидавъ его, нырнулъ въ воду, а рыбу оставилъ, которая была крупна и бѣла. Бяртъ Бяргянъ сдѣлалъ изъ семи большихъ лѣсинъ ловушку и поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ выходилъ водяной чертъ, а самъ снова спрятался. Спустя немного времени водяной вышелъ изъ озера на берегъ и попалъ зъ ловушку, а увидавъ подходящаго къ нему Бяртъ Бяргянъ, запѣлъ: «зачѣмъ ты, добрый человѣкъ, поставилъ мнѣ ловушку, что я тебѣ сдѣлалъ худаго? я мирно живу въ озерѣ и питаюсь его рыбой. Я знаю кто ты: ты Бяртъ Уоль Бяртъ Бяргянъ, єдешь къ богатырю Тасъ Тирили, чтобы отнять у него воспитанницу. Если тебѣ нужна моя помощь, то я пойду съ тобою. Я богатырь Атыллыка (шагающій), но только освободи меня скорѣе изъ ловушки». Бяртъ Бяргянъ освободилъ его изъ ловушки, и они отправились. Хотя Бяртъ Бяргянъ летѣлъ на крылатомъ конѣ, но Атыллыны не отставалъ отъ него. Наконецъ они пріѣхали къ Тасъ Тирили, жилище его было обгорожено желѣзнымъ защломъ, они не могли найти воротъ, тогда Атыллыны разбили кулакомъ желѣзную стѣну и они вошли во дворъ. На срединѣ его стояла каменная юрта, у которой Атыллыны, не находя дверей, также разбили кулакомъ стѣну, и они увидали, что Тасъ

Тирили былъ дома и спалъ глубокимъ сномъ. Бяреть Бяргянъ надъ ухомъ Атыллыны закричалъ (тотъ былъ глухой), что Тасъ Тирили прикидывается спящимъ и не хочетъ обращать на него вниманія. Тогда Атыллыны схватилъ спящаго за ноги и выбросилъ на дворъ. Затакую дерзость Тасъ Тирили напалъ на него съ копьемъ и мечемъ, но тотъ не отставалъ и билъ его своими кулаками, такъ что къ вечеру Тасъ Тирили скончался. Они выкопали семисаженную яму, нажгли въ ней угольевъ изъ семи лѣсинъ и бросили на нихъ тѣло демонскаго богатыря. Послѣ этого они взяли прекрасную Аиамы Чачыма и отправились обратно. Атыллыны, пришедши къ своему озеру, накормилъ ихъ рыбой и на прощаніе высказалъ сожалѣніе, что не можетъ идти съ ними, ибо ему стыдно показаться людямъ, не имѣя одежды. Пріѣхавъ въ свой край, Бяреть Бяргянъ не вышелъ въ домъ брата (для сожительства), а выстроилъ себѣ новую избу, куда и ввелъ свою жену хозяйкой. По прошествіи нѣкотораго времени, надъ краемъ Бяреть Бяргянъ на висли черныя тучи, подулъ съ сѣвера сильный вѣтеръ и сталъ падать градъ, да такой величины, что одной градиной убивало скотину. Бяреть Уоль Бяреть Бяргянъ пришелъ въ большое уныніе и не зналъ откуда и за что на него такое бѣдствіе. Въ это время къ нему пришелъ молодой племянникъ его, имѣющій гнѣдаго коня, богатырь Тулаима. Онъ сказалъ дядѣ, что градъ есть предвестникъ скораго прихода демонскаго богатыря, воспитанного въ теченіи 30 лѣтъ въ гробу, имя которому Хорожай. На это Бяреть Бяргянъ сказалъ, что онъ уже состарился и не въ состояніи драться съ богатыремъ и просилъ племянника ѿхать къ нему на встрѣчу и вступить съ нимъ въ борьбу. Тулаима осѣдалъ своего гнѣдаго коня и поѣхалъ на сѣверъ. Рѣки, которая приходилось ему переплывать, вытекали изъ высокихъ горъ, на которыхъ ничего не могло рости и на вершинѣ представляли каменистую равнину, и здѣсь Тулаима остановился ждать Хорожая. Вскорѣ появился огненный вихрь, а затѣмъ показалась желѣзная остроконечная шляпа. Онъ ѿхалъ на 9-ти бѣлоголовыхъ лошадяхъ, запряженныхъ въ огромныхъ желѣзныхъ саняхъ, полозья которыхъ бороздили каменистую почву на три аршина глубины. Онъ пѣлъ: «ну, бѣжите скорѣе мои лошадушки! Скоро мы доѣдемъ до Бяреть Уоль Бяредѣ Бяргянъ, я отниму у него его жену прекрасную, которую посажу рядомъ съ собой и повезу домой. Его стражу опалю своимъ огненнымъ дыханіемъ, его скотъ, богатство и его самого упрячу въ свой огненный желудокъ». Тулаима превратился въ худаго мальчика пастуха, одѣтаго въ конскую шкуру и, подошедшіи къ нему, снялъ, шапку, сталъ на колѣни и запѣлъ: «слушай своими чуткими ушами, почтенный дѣдъ мой: я пастухъ Береть Бяргянъ, Масъ Балтаръ, меня послала къ тебѣ на встрѣчу прекрасная Ачыма Чачыма, она ждетъ тебя съ нетерпѣніемъ, но опасается, что ты заблудишься въ этихъ открытыхъ мѣстахъ, я буду тебѣ проводникомъ». — «Ахъ, моя милая пташка! вѣдь какъ она обо мнѣ заботится: ну садись и будь проводникомъ, а я тѣмъ временемъ засну; я ѿхалъ, нигдѣ не останавливалась, такъ торопился къ моей милой». Сказавъ это, демонскій богатырь повалился на саняхъ спать, а Тулаима копьемъ его въ сердце, а также убилъ и его лошадей. Совершивъ такое дѣло, онъ возвратился домой, гдѣ встрѣтилъ своего дядю, который рассказалъ, что Ачыма Чачыма вчера родила мальчика, который уѣхжалъ отъ него и бросился въ озеро и просилъ Тулаима розыскать младенца. Тулаима обратился въ сокола, полетѣлъ на озеро, гдѣ, въ камышахъ, спрятавшись, сталъ ожидать. На седьмой день вода въ озерѣ заволновалась, и изъ нея вышелъ голый серебряный человѣкъ, ростомъ въ четыре сажени. Онъ съ быстротою молнии побѣжалъ на востокъ, а Тулаима полетѣлъ въ слѣдъ за нимъ, но потерялъ его изъ глазъ. Тулаима леталъ и на золотую гору, гдѣ родилась луна, но и тамъ не нашелъ серебрянаго человѣка. Возвращаясь обратно домой, онъ нашелъ младенца спящаго въ оврагѣ и запѣлъ: «встань, разбудись, мой дорогой братъ! Пойдемъ домой, твои родители плачутъ, потерявъ тебя, иди къ нимъ!» Услыхавъ это, младенецъ разбудился и запѣлъ: «что вы за народъ, что не даете мнѣ покою, неужели вы меня считаете за бродягу, который уѣхжитъ — куда глаза глядятъ. Лучше ступай домой и приготовь мнѣ на дворѣ сидѣніе на золотыхъ столбахъ. Меня зовутъ земной богатырь, имѣющій крылатаго коня, ёксанюляхъ Далантай (Орель размахивающей), небесный богатырь Ань Сужу

(передовой нырокъ) и подземный богатырь Ань Ажарай (передовой демонъ). Пріѣхавъ домой Тулаима сдѣлалъ брату высокое сидѣніе и приготовилъ ему платье и вооруженіе богатырское. По прошествіи мѣсяца пришелъ Ексѣюляхъ, надѣлъ на себя приготвленное платье и легъ спать. Онъ уже былъ богатыремъ въ полной силѣ. Въ одно утро съ востока подулъ вѣтеръ и прилетѣли два орла: первый былъ Эрбяхъ Жагылъ, а второй Аи Сеня Айхалъ, они были заклятые враги отцовъ Тулаима и Ексѣюляхъ и прилетѣли потягаться силой съ ихъ сыновьями. Эрбяхъ Жагылъ, превратившись въ 3-хъ лѣтняго медвѣдя, напалъ на Ексѣюляха, а этотъ послѣдній превратился въ тигра и между ними началась борьба, но Ексѣюляхъ побѣдилъ Эрбяхъ Жагыла, оторвавъ правую руку, послѣ чего побѣженный уѣжалъ. Тулаима стрѣлой поразилъ Айхала въ животъ, и тотъ едва живой полетѣлъ на востокъ. Послѣ этого Ексѣюляхъ легъ спать, а Тулаима сталъ ходить вокругъ дома — караулить. Съ юга поднялась буря и прилетѣла огненная птица о трехъ головахъ, она усѣлась на верхушкахъ девяти лѣсинъ и, покачнувъ тремя головами, язъ трехъ своихъ ртовъ запѣла: «слушайте вы, Тулаима и Ексѣюляхъ Далантай, своими чуткими ушами и смотрите своими зоркими глазами, что я вамъ буду пѣть: живеть на югѣ отсюда повелитель Кюлянтимя, у него прекрасная дочь Уянтымо Ко (нѣжная); черезъ три мѣсяца она выходить замужъ за демонскаго богатыря Сирь Уола Сигняя (Обвалъ сынъ земли). Но такъ какъ такой знатной дѣвицѣ нельзя выходить замужъ безъ рабовъ, обязанность которыхъ раздѣвать, одѣвать, стелить и убирать ея постель, то Васъ нашли способными на эту службу. Вы теперь должны назначить мнѣ плату, за которую вы желаетеѣхать съ нею рабами». Услыхавъ такія оскорбительныя слова Тулаима и у него чуть не лопнула печень, онъ съ крикомъ разбудилъ брата и рассказалъ, что слышалъ отъ ужасной птицы. Тотъ, повернувшись на свое мѣсто высокомъ сидѣніи, превратился въ огромнаго орла, поднялся высоко и запѣлъ громкимъ голосомъ: «я знаю тебя посла Кюлянтимя, ты сынъ грома Булгу Бурай (Переломъ вѣтеръ), ты преднамѣренно оскорбилъ насъ, но за это ты поплатишься жизнью. Пропѣвъ это, онъ, быстрѣе молнии, спустился на Булгу Бурая и разорвалъ его на двѣ части. Послѣ этого оба брата осѣдлали своихъ коней и поѣхали къ господину Кюлянтимя. Пріѣхавъ въ его прекрасный край, Ексѣюляхъ Далантай сказалъ своему брату: «я вижу огромное собраніе богатырей у Кюлянтимя, ты ступай впередъ и узнай, что тамъ дѣлается. Если нужна будетъ тебѣ моя помощь, то кликни меня, и я буду съ тобою». Тулаима превратился въ худаго парня и отправился пѣшкомъ. Богатырь Сигняя жилъ отдельно на бугрѣ, и ему въ пищу подносили цѣликомъ зажаренныхъ быковъ и лошадей, а въ юрѣ сидѣли гости Кюлянтимя, отборные богатыри, и єли жирную конину. Они вели между собою разговоръ о томъ, что далеко, на сѣверъ отсюда, живутъ два могущественныхъ брата, Тулаима и Ексѣюляхъ Далантай и что они, вѣроятно побѣдили бы демона Сирь Уола Сигняя». Къ сыну Кюлянтимя подошелъ братъ демонскаго богатыря Сигняя и запѣлъ: «слушай своими чуткими ушами, Тѣреть Бёгё, мой братъ просить назначить время, когда онъ долженъ увезти свою невѣсту: у него истощилось терпѣніе ждать, такъ какъ ты откладываешь рѣшеніе съ мѣсяца на мѣсяцъ, вотъ уже въ теченіе трехъ лѣтъ, которые мы здѣсь живемъ». На это Тѣреть Бёгё сказалъ, что онъ дастъ свою сестру тому богатырю, который подниметъ на плечо трехсотпудовый камень, лежащий отсюда на сѣверъ, на морскомъ берегу». Услыхавъ этотъ разговоръ, Тулаима возвратился къ брату и рассказалъ о видѣнномъ и слышанномъ. Всѣ бывшіе богатыри, а также Ексѣюляхъ Далантай съ братомъ Тулаима, отправились къ камню. Первый поднялъ камень Тимирь Халхалыма (желѣзо заслоняющій), но не могъ поднять выше колѣна, вторымъ поднялъ до груди Тулаима, третьимъ поднялъ до плечъ Сирь Уола Сигняя и четвертымъ подошелъ Ексѣюляхъ Далантай. Онъ высоко надѣ головой поднялъ камень и, сказавъ Тимирь Халхалыма, брату Сигняя, что такой чертѣ тоже осмѣливается считать себя богатыремъ, бросилъ въ него камень и убилъ его. Между Ексѣюляхъ Далантаемъ и Сигняя завязался споръ, кому взять дѣвицу, а поспоривъ, они стали бороться. На третій день Ексѣюляхъ повалилъ демонскаго

богатыря и съль на него верхомъ, распоролъ ему брюхо, взялъ въ правую руку позвоночную жилу (penis) и требовалъ у побѣжденаго рѣшительного отказа отъ дѣвицы, но тотъ запѣль: «Ты не убивай меня, это тебѣ не принесетъ никакой пользы, лучше мы побратаемся, а прекрасную Уянтымо Ко раздѣлимъ между собой: ты возьми верхнюю часть, а я возьму нижнюю». Далантай сказалъ, что онъ можетъ прожить и не братавшись съ нимъ и оторвалъ у него позвоночную жилу, въ слѣствіе чего тотъ немедленно умеръ. Далантай уступилъ дѣвицу своему брату Тулапма, который женился на прекрасной Уянтымо Ко и возвратился въ свой край, а Ексѣюляхъ отправился на востокъ къ богатырю Кёкястай Бёгё, у которого сестра по имени Кюнь-Толлума (полное солнце) была воистину прекраснѣйшая изъ всѣхъ женщинъ. Брать и сестра были дѣтьми солнца и на землѣ жили только временно. Не доѣзжая немногого до жилища Кёкястай Бёгё, конь, остановившись, запѣль своему хозяину Далантаю: «слушай-ка своими чуткими ушами, хозяинъ, мою пѣсню, мы ъдемъ къ сильнѣйшему небесному богатырю, онъ едва ли дастъ тебѣ сестру добромъ, не лучше ли будетъ украсть ее». На это Ексѣюляхъ Далантай сказалъ, что онъ не воръ и не трусъ, чтобы воровать женщинъ, пользуясь темнотой ночи. Пріѣхавъ къ дому Кёкястай Бёгё, онъ постучался, и къ нему вышелъ одѣтый во весь ростъ въ золото пятисаженный бѣлолицый богатырь, которому Ексѣюляхъ запѣль: «твоему великому имени 90 поклоновъ, твоей огромной славѣ 80 поклоновъ отъ меня, другъ и товарищъ, Кёкястай Бёгё. Я земной богатырь Ексѣюляхъ Далантай, небесный богатырь Ань Сужу и подземный богатырь Ань Ажарай, пріѣхалъ жениться на твоей прекраснѣйшей сестрѣ, если даешь, назначь сколько просишь калыму, въ противномъ случаѣ я возьму силой». На это тотъ запѣль: «ты навѣрно думаешь, что ты сильнѣйший богатырь на землѣ, но ты, кажется, не слыхалъ про мою могучую силу, вѣтъ я посмотрю, какою чудесною силою ты возьмешь мою сестру, потому что добромъ я дать тебѣ еще не намѣренъ». Затѣмъ между ними началась драка. Дрались они долго, три мѣсяца, но Ексѣюляхъ Далантай побѣдилъ своего врага и съль на него верхомъ, спросилъ, что онъ теперь дастъ ли ему свою сестру или желаетъ смерти. Кёкястай Бёгё запѣль слѣдующее: «пусть моя пѣсня раздастся на небесахъ, какъ ржаніе жеребца, когда онъ въ полной силѣ, пусть мои напѣвы зазвучать тамъ, какъ мычаніе молодаго быка, и дойдутъ до ушей отца моего Кюнь-Тоёна: меня побѣдилъ и хочетъ убить земной богатырь Ексѣюляхъ Далантай». Какъ только онъ это запѣль, подулъ восточный вѣтеръ, появились легкія облака, грянула небольшой громъ, пошелъ небольшой дождь, отверзлись небеса и показался всадникъ на бѣломъ конѣ, одѣтый въ золото и запѣль: «Вы, слушайте, что буду вамъ говорить: на небѣ не написано, чтобы ты, Ексѣюляхъ Далантай, убилъ Кёкястай Бёгё, но тамъ написано, что на прекрасной дѣвицѣ Кюнь Толлума долженъ жениться Ексѣюляхъ Далантай». Услыхавъ это, два богатыря обнялись и поцѣловались, удивляясь, что имъ не пришло въ голову спросить рѣшенія неба. Кёкястай Бегё устроилъ большую свадьбу, на которой присутствовали всѣ земные и небесные богатыри. Съѣдено было очень много кобыль и выпито невѣроятное количество кумысу. Когда Ексѣюляхъ Далантай возвратился домой съ своей женой, то нашелъ своихъ родныхъ здоровыми, и онъ съ женой устроили счастливо свое хозяйство и тихо и спокойно продолжаютъ жить до нынѣшняго дня.

Мёгюлю Бёгё.

На краю первобытнаго міра жилъ богатырь Мёгюлю Бёгё съ прекрасной сестрой, которую звали Хачыланъ Ко. У нихъ не было рабовъ и рабынь, и скотъ свободно гулялъ по лугамъ, до которыхъ не прикасалась горбуша, такъ какъ тогда ихъ не знали. Въ странѣ той никогда не было зимы, стояло вѣчное лѣто, деревья не мнѣяли своихъ листьевъ или хвойныхъ иголокъ, а птицы не улетали въ другіе края. Сосѣдей у нихъ тоже не было, они жили одни, не зная даже своихъ родителей. Разъ какъ то, утромъ, когда Мёгюлю Бёгё поилъ свой скотъ, съ сѣвера подулъ холодный вѣтеръ, пошелъ снѣгъ и на крылатомъ желѣзномъ конѣ пріѣхалъ осьмигранный желѣзный человѣкъ. Его остроконечная шляпа возвышалась выше лѣса листвиничнаго, а на серединѣ лба

торчаль его единственный глазъ; онъ былъ съ одной рукой и обѣ одной ногѣ. Такое страшилище остановилось предъ Мёгюлю Бёгё и запѣло: «если твои глаза не ослѣпли, такъ пусть видять и если твои уши не оглохли, то слушай: я богатырь Бёрёкюя Бётесь, живущій въ преисподней, пріѣхалъ къ тебѣ жениться на твоей прекрасной сестрѣ. Она, говорятъ, прекраснѣйшая изъ дѣвицъ. Если хочешь знать мою силу и ловкость, то попробуемъ». Рѣшено было стрѣляться. Демонскій богатырь оторвалъ половину утеса и поставилъ предъ собой, въ видѣ сошки лука, а Мёгюлю Бёгё вырыль яму въ семь сажень глубиною. Сперва долженъ былъ стрѣлять Бёрёкюя Бётесь: онъ натянулъ свой огромный лукъ и, нацѣливъ стрѣлу въ Мёгюлю Бёгё, сказалъ: «ну, берегись другъ и товарищъ, моя стрѣла дурно не идетъ» и спустилъ стрѣлу, которая взбороzdila почву на три сажени глубиной, а Мёгюлю Бёгё спасся тѣмъ, что упалъ въ вырытую яму. Демонскій богатырь сказалъ: «Вотъ, бѣдняга, даже и пылинки отъ него не осталось» и когда пыль нѣсколько разсѣялась, то увидалъ Мёгюлю Бёгё цѣлаго и невредимаго, велика была его досада и не могъ надивиться, какъ стрѣла могла миновать его. Затѣмъ сталъ прицѣливаться Мёгюлю Бёгё и пустилъ стрѣлу, которая грянула, какъ громъ и полетѣла прямо на грудь демонскаго богатыря, но послѣдній, думая увернуться отъ стрѣлы, подпрыгнулъ, и стрѣла поразила его въ нижнюю часть живота. Демонскій богатырь взвылъ отъ боли дикимъ голосомъ, а рану свою, заткнувъ мохомъ, сѣлъ на своего коня и вокругъ сдѣлалъ тьму. Мёгюлю Бёгё долго блуждалъ во тьмѣ и только, когда она нѣсколько разсѣялась, отправился домой, гдѣ уже не нашелъ своей сестры. Полагая, что ее увезъ демонскій богатырь, онъ поѣхалъ на сѣверъ по слѣдамъ Бёрёкюя Бётесь на своеемъ саврасомъ конѣ. Послѣ долгаго пути по разнымъ странамъ, онъ достигъ совершенно желѣзного края, на серединѣ котораго росли восемь мѣдныхъ лѣсинъ, листья и вѣтви которыхъ были тоже мѣдныя. Здѣсь терялись слѣды демонскаго богатыря и Мёгюлю Бёгё, разматривая внимательно окружающую мѣстность, замѣтилъ подъ среднимъ деревомъ пропасть, откуда выходилъ тяжелый, удушливый запахъ,—то была дорога въ преисподнюю. Разсѣдавъ коня и положивъ сбрую подъ дерево, Мёгюлю сказалъ коню: «слушай, другъ мой и товарищъ! я спущусь въ подземный демонскій міръ, пока я не выйду—ты гуляй, гдѣ хочешь, но когда позву, будь немедленно тутъ». Конь, услыхавъ сказанное, изъ гривы и хвоста сдѣлалъ себѣ крылья и полетѣлъ въ пространство. Мёгюлю Бёгё, нагнувшись, полетѣлъ въ пропасть внизъ головой и въ безпамятствѣ упалъ на дно; очнувшись, онъ увидалъ, что лежитъ на желѣзномъ полѣ, поросшемъ таковыми же растеніями, сюда не проникаль солнечный свѣтъ, а былъ полумракъ. Отъ паденія половина его тѣла была разбита, а самъ такъ похудѣлъ и обезсилѣлъ, что походилъ на осиротѣлого ребенка: отъ прежняго его богатырскаго величія не осталось и слѣдовъ. Кое какъ онъ нашелъ себѣ шалку, разглядѣлъ слѣды демонскаго богатыря и по нимъ пришлось идти на сѣверъ. Дошелъ до желѣзной юрты, у которой было привязано восемь пѣгихъ желѣзныхъ кобыль; войдя въ юрту, онъ увидалъ демонскую шаманку. Поклонившись ей, онъ запѣлъ: «Мой привѣтъ и поклонъ тебѣ, Солнце, госпожа здѣшняго міра. Я земной житель, тамъ не могъ найти себѣ крова и пищи, принужденъ былъ спуститься въ этотъ міръ, гдѣ нашелъ тебя, мою госпожу. Нѣть ли какой работы?» На это старуха отвѣчала, что ее зовутъ Алабыръ, а работа у ней—пasti ея восемь кобыль и за восемь мѣсяцевъ онъ въ вознагражденіе получить одного жеребенка. Алабыръ накормила Мёгюлю мясомъ разныхъ звѣрей, послѣ чего онъ погналъ на пастбище къ морскому берегу своихъ кобыль. По истеченіи 8 мѣсяцевъ, кобылы ожеребились, и онъ пригналъ ихъ къ старухѣ, которая была довольна этимъ, и, подаривъ Мёгюлю обѣщанного жеребенка, запѣла: «я знаю, что ты когда-то былъ земнымъ богатыремъ, тебя звали Мёгюлю Бёгё, ты гнался за здѣшнимъ богатыремъ Бёрёкюя Бётесь, который отнялъ у тебя сестру Хачыланъ Ко. За твою вѣрную службу я тебя приведу въ твой прежній видъ». Она наполнила живою водою, и Мёгюлю стала болѣе сильнымъ богатыремъ, чѣмъ былъ. Поблагодаривъ старуху, онъ осѣдалъ подаренного жеребенка и сѣлъ на него. Молодой конь, почувствовавъ сѣдока, расправилъ свои желѣзныя крылья, полетѣлъ очень быстро и достигъ жилища демонскаго богатыря, гдѣ Мёгюлю встрѣтилъ свою сестру. Бёрёкюя Бётесь дома не было, онъ уѣхалъ къ кузнецу Кыдай Бахсы, чтооы сковать себѣ то,

что было оторвано у него въ состязаніи съ Мёгюлю. Сестра ему рассказала, что демонскій богатырь очень силенъ и, кроме того, его трудно убить, потому что знаетъ колдовство. Мёгюлю Бёгё сказалъ сестрѣ: «когда вернется твой богатырь, ты приласкай къ нему и выспроси, въ какомъ мѣстѣ заключена у него его душа; пусть только укажетъ, а я ужъ знаю, что потомъ дѣлать». Сказавъ это, онъ превратилъ коня въ гнилую лѣсину, а самъ спрятался. На другой день возвратился богатырь и сказалъ, что кузнецы велѣли прийти завтра, не могутъ скоро окончить. Хачыланъ Ко приласкалась къ нему и спросила, гдѣ находится его душа, ибо она желаетъ соединить съ нимъ свою душу. На это демонскій богатырь отвѣтилъ, что на берегу морскомъ пасутся три оленя, изъ нихъ у средняго въ животѣ находится его душа. Эти слова слышалъ Мёгюлю Бёгё и тотчасъ же отправился на берегъ морской, гдѣ действительно паслись три оленя, онъ подкрался къ нимъ осторожно и ножемъ распоролъ брюхо среднему оленю, и изъ него выпалъ желѣзный ящикъ. Разбивъ его, онъ нашелъ змѣю, которую и убилъ; послѣ чего отправился обратно къ сестрѣ и, взявъ ее съ собой на коня, поѣхали обратно въ свой край. Между тѣмъ, какъ душа богатыря, заключавшаяся въ змѣѣ была убита, самъ богатырь, возвращаясь отъ кузнецовъ съ прикованной штукой, умеръ въ дорогѣ. Мёгюлю Бёге, выѣхавъ на землю черезъ ту же трубу, въ которую упалъ, пустилъ коня, котораго дала ему старуха Алабырь, на волю. Будучи утомленъ и обезсиленъ, онъ расположился спать, положивъ подъ голову сѣдло, одѣлся шубою и легъ спать, также устроилась и сестра его. Около полуночи съ юга прилетѣла огромная желѣзная птица и, усѣвшись на лѣсинѣ, запѣла: «Привѣтъ и поклонъ мой тебѣ, Мёгюлю Бёгё! Я богатырь южнаго моря, повелитель надъ тамошними демонами, сильнѣйшій Содалба Бёгё. Летѣль къ Бёрёкюя Бётесь, чтобы отнять у него твою сестру, но ты предупредилъ меня и везешь ее уже обратно. Скажи мнѣ, сколько просишь ты за нее калыму». Мёгюлю Бёге спалъ крѣпкимъ сномъ и не слыхалъ пѣсни демонскаго богатыря, сколько сестра ни старалась разбудить его. Содалба Бёгё, повторивъ свою пѣсню нѣсколько разъ, схватилъ прекрасную Хачыланъ Ко за волосы и улетѣль обратно. Мёгюлю Бёге проснулся лишь по истеченіи семи сутокъ и увидѣлъ, что сестры уже не было, тогда онъ позвалъ обратно своего коня и поѣхалъ наугадъ на полдень. Прилетѣвъ въ свое жилище, демонскій богатырь Содалба Бёгё сталъ ходить за своей женой, которая была очень больна и отказывалась отъ всякой пищи, которую приготовлялъ онъ ей, такъ что наконецъ спросилъ ее, чего она желаетъ Ѣсть, и она ему сказала, что отсюда на западѣ есть дремучій лѣсъ, гдѣ живеть левъ, страшнѣйшій изъ звѣрей; сердце этого звѣря ей хочется поѣсть. Услыхавъ это, Содалба Бёгё отправился въ дремучій лѣсъ и запѣлъ: «Левъ, страшнѣйшій изъ звѣрей, я пришелъ по великой нуждѣ; моя жена очень больна и непремѣнно проситъ твоего сердца. Этимъ, говорить, она получила бы изцѣленіе отъ одержимой болѣзни». Какъ только онъ это запѣлъ, прибѣжалъ левъ, сталъ бить его своимъ 30 пудовыми хвостомъ и богатырю приходилось отъ этихъ ударовъ на столько плохо, что долженъ былъ просить льва дать нѣсколько минутъ, чтобы проститься заочно съ тѣми, кто ему дороги. Левъ остановилъ свои удары, а Содалба, пользуясь этимъ, перерубилъ его пополамъ. Вынувъ изъ него сердце, онъ отправился домой, гдѣ жена сказала ему, что онъ въ отсутствіи былъ очень долго, а тѣмъ временемъ у нея прошла охота, и она не хочетъ даже смотрѣть на сердце льва. Она прикинулась, что будто умираетъ и сказала демону Содалба Бёгё, что если онъ не достанетъ живой воды, то она умретъ непремѣнно. Демонъ Содалба Бёгё превратился въ ворона и полетѣль на небо къ источнику живой воды, которую караулили 40 отборныхъ небесныхъ богатырей и начальникомъ ихъ былъ небесный писарь Омонума. Какъ только онъ къ нимъ подошелъ, они напали на него и убили. Въ это время подѣхалъ Мёгюлю Бёгё, сестра рассказала ему, какъ она ухитрилась найти смерть демону. Бдучи обратно домой, они заѣхали къ богачу Могосѣ, у послѣдняго былъ сынъ Мосоль Бёгё, который посватался за Хачыланъ Ко, а Мёгюлю Бёгё, въ свою очередь, женился на сестрѣ его, дѣвицѣ Ытыллыма. Старикъ Могосѣ, счастливый женитьбой сына и выдачей дочери замужъ, устроилъ большое пиршество, послѣ котораго Мёгюлю Бёгё съ своей молодой женой вернулся къ себѣ обратно домой и жилъ съ нею счастливо.